

Фонд биосферного хозяйства

Научно-практический журнал
Биосферное хозяйство: теория и практика
№ 2 (85) (апрель-июнь)
(13 июля 2026)

В журнале представлены многоаспектные научные исследования по формированию и развитию биосферного хозяйства и созданию концепции модели коэволюционного развития общества и природы в XXI веке.

Учредитель: А.В. Винобер

Редакционная коллегия

Винобер А.В. – главный редактор, Координатор проектов «Научные исследования» и «Биосферное хозяйство» Фонда биосферного хозяйства

Вашукевич Ю.Е. – к.э.н, доцент кафедры «Охотоведения и биоэкологии» Института управления природными ресурсами-факультета охотоведения Иркутского государственного аграрного университета им. А.А. Ежевского

Димитриев А.В. – к.б.н., доцент кафедры природопользования и геоэкологии Историко-географического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Моложников В.Н. – д.б.н., Байкальский отдел Иркутского областного отделения Русского географического общества

Моргун Е.Н. – к. б. н., ведущий научный сотрудник сектора охраны окружающей среды ГКУ ЯНАО "Научный центр изучения Арктики", Председатель общественного совета департамента природно-ресурсного регулирования, лесных отношений и развития нефтегазового комплекс ЯНАО

Ембатурова Е.Ю. – к.б.н., старший научный сотрудник научно-методического отдела инвазивных видов растений ФГБУ «Всероссийский центр карантина растений»

Черятова Ю.С. – к.б.н., доцент кафедры декоративного садоводства и газоноведения Российского государственного аграрного университета – Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева

Винобер Е.В. – технический редактор, координатор проекта «Просвещение, образование, издательская деятельность» Фонда биосферного хозяйства

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

За достоверность информации ответственность несут авторы статей.

Адрес редакции: г. Иркутск, ул. Тимирязева, 59

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

www.biosphere-sib.ru

Периодичность выпуска журнала 12 раз в год.

Запрос на присвоение ISSN: в ожидании

© Фонд биосферного хозяйства, 2026

© Авторы, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Философия и методология биосферного хозяйства</i>	5
<i>А.В. Винобер. Учение Вернадского в контексте современной философии и естествознания.....</i>	5
<i>А.В. Винобер. Философия естественного права. Очерк четвертый. Е.Н. Трубецкой – Энциклопедия права и метафизика абсолютного</i>	24
<i>А.В. Винобер. Инстанция буквы в бессознательном и герменевтика психического (метафизика психологии). Очерк первый</i>	49
<i>Охотничье хозяйство и охрана животного мира</i>	91
<i>И.А. Гребнев, Н.С. Ларионова. Трофейная охота на редкие (краснокнижные) виды животных: обзор контраргументов.....</i>	91
<i>Одонатологические исследования.....</i>	105
<i>Е.В. Винобер. Обзор публикаций по одонатологическим исследованиям в России (2008-2026). Часть первая.....</i>	105
<i>Светлой памяти учителя.....</i>	121
<i>Владимир Николаевич Моложников 4 мая 1938 – 9 июля 2026 гг.....</i>	121

CONTENTS

<i>Philosophy and methodology of biosphere economy</i>	5
<i>A.V.Vinober. Vernadsky's teaching in the context of modern philosophy and natural science</i>	5
<i>A.V.Vinober. Philosophy of natural law. The fourth essay. E.N. Trubetskoy – Encyclopedia of law and metaphysics of the absolute</i>	24
<i>A.V.Vinober. The instance of the letter in the unconscious and the hermeneutics of the psychic (metaphysics of psychology). The first essay</i>	49
<i>Hunting economy and wildlife conservation</i>	91
<i>I.A. Grebnev, N.S. Larionova. Trophy hunting for rare (red books) types of livestock: review of counterarguments</i>	91
<i>Odonatological research</i>	105
<i>E.V.Vinober. Review of publications on odonatological research in Russia (2008-2026). Part one</i>	105
<i>Blessed memory of the teacher</i>	121
<i>Vladimir Nikolaevich Molozhnikov May 4, 1938 – July 9, 2026</i>	121

УДК 504 : 17

А.В. Винобер
Иркутск, Россия

УЧЕНИЕ ВЕРНАДСКОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

В завершающем очерке цикла «Учение Вернадского» автор продолжает субъективное осмысление учения о биосфере и «образа ноосферы» Вернадского в контексте современной философии и естествознания.

Ключевые слова: биосфера, ноосфера, Владимир Иванович Вернадский, естествознание, философия

1. Место введения.

1.1. Настоящий очерк является заключительным в серии «Учение Вернадского». Это не значит, что я больше не буду писать о Вернадском, о его научных достижениях, о его влиянии на советскую и российскую науку. Просто, время от времени, нужно подводить черту или итожить определенный период увлечения-изучения определенной темой. Возможно, это промежуточный итог, за которым последует новый период изучения-осмысления.

Знакомство с судьбой и научным творчеством В.И. Вернадского продолжается у меня более четырех десятков лет. То затухает, то снова разгорается интерес к самобытной личности выдающегося ученого, вокруг которого уже не менее сотни лет существует своеобразная околонаучная мифология.

1.2. Вероятно, что название настоящего очерка не совсем соответствует его содержанию. Скорее, название – это дань традиции. Словосочетание «учение Вернадского» - часто встречающийся термин (понятие, словосочетание). Но, безусловно, в мировой науке он встречается гораздо реже, чем словосочетание «теория относительности Эйнштейна». Но про Альберта Эйнштейна, в этот раз, я постараюсь промолчать.

1.3. Вообще, со всеми этими научными понятиями – большая неразбериха, как в философии, так и в науке. Плюс к тому, существуют еще журналисты и популяризаторы, которые любят вольно интерпретировать любые научные и философские понятия на свой лад. Так, например, родилась популярная серия, типа «Гегель за 60 минут» и т.д.

В данном случае я также (отчасти) использую популярный стиль, чтобы было интересно читать более широкому кругу читателей, хотя на самом деле, никакого широкого круга вовсе не будет, а будет всего один или два читателя, не считая самого автора.

О понятиях. Многие авторы научных статей (не говоря о популярных) с трудом улавливают различия между понятиями: учение, теория, концепция, парадигма и т.д. Например, о Вернадском часто пишут «учение о ноосфере» и «концепция биосферы Вернадского», что в принципе искажает содержание результатов научного творчества В.И. Вернадского, ибо учение о биосфере действительно имело место, а учения о ноосфере не было, а была высказана некая совокупность идей и весьма не ясных, неоднозначных для прочтения образов. В лучшем случае, это можно назвать концепцией, но никак не учением и не теорией Вернадского о ноосфере.

1.4. В разных статьях и монографиях я встречал эту цитату А.Е. Ферсмана, талантливого ученика В.И. Вернадского: «Десятилетиями, целыми столетиями будут изучаться и углубляться его гениальные идеи, а в трудах его – открываться новые страницы, служащие источником новых исканий; многим исследователям придется учиться его острой, упорной и отточенной, всегда гениальной, но трудно понимаемой творческой мысли; молодым же поколениям он всегда будет служить учителем в науке и ярким образцом плодотворно прожитой жизни» [25].

Отчасти А.Е. Ферсман прав – пока еще (до наступления эпохи искусственного интеллекта) В.И. Вернадский является для нас учителем и идеалом ученого XX века. Но про острую, отчеканенную и всегда гениальную мысль, ученик Вернадского явно переборщил (видимо, перед его

глазами тогда стоял образ всегда гениального в любой мысли Иосифа Виссарионовича Сталина – это моя рабочая гипотеза). В.И. Вернадский не был пророком и небожителем, и сам себя оценивал гораздо более критично и адекватно, хотя иногда уносился в полет необоснованных научных и просто ситуативных фантазий, и потому, нередко его мысль была вовсе не гениальной, а даже вполне обыденной и неверной, с точки зрения естественно-научного её смысла и содержания. Это высказывание по поводу цитаты Ферсмана – вовсе не попытка умаления результатов научного творчества В.И. Вернадского. Просто вещи должны называться своими именами.

1.5. Эпиграфом данного очерка я выбрал фрагмент из переписки В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым (в некоторой степени в противовес цитате А.Е. Ферсмана): «... Мне кажется, средний живой индивид живого вещества не отвечает среднему статистических совокупностей... Мне кажется, что индивидуальность в живом веществе в аспекте природы (биосферы) проявляется только в человеке. Поэтому я считаю ошибкой, когда противопоставляют человека среде, так как о среде или о природе мыслят, как о чем-то изотропном, забывая, что живой организм и живое вещество живет в биосфере, от неё неотделимы и являются её функцией, но её в свою очередь создают. Поэтому я думаю, что противопоставляя живой организм косным телам биосферы, я имею дело с совершенно другим явлением, чем если я противопоставляю живое вещество биосфере» [20].

Приятно, скажем образно, осознавать себя функцией биосферы и частицей живого вещества, но возникает вопрос – будет ли искусственный интеллект функцией живого вещества или ему будут безразличны: живое вещество или совокупность элементов земной коры...

2. Биосфера.

2.1. На несколько минут вернемся в первую главу. К цитате А.Е. Ферсмана (1.4) о «всегда гениальной, но труднопонимаемой творческой мысли» В.И. Вернадского, и обратим внимание на наш эпиграф (п.1.5),

взятый из переписки Вернадского. Скажем так, в этом эпиграфе мысль Вернадского не столь проста, как может показаться на первый взгляд. Точнее, она действительно труднопониимаема. При прочтении этого фрагмента возникает сразу несколько вопросов:

а) Какой средний индивид живого вещества не отвечает среднему статистическим совокупностям? Если, например, это человек, то каким средним статистическим совокупностям он мог бы отвечать? Если по генетике, морфологии, психологии и мировоззрению, то, скорее всего, не отвечает; но если мы берем социологию и социальную статистику, то эти науки сплошь и рядом оперируют понятиями среднестатистических индивидов. И вообще, научно ли само понятие средний индивид живого вещества?

Биологи, зоологи, биогеоценологи и антропологи весьма редко признают понятие «живого вещества», принимая его как весьма абстрактный термин, мало чего дающий в понимании живых организмов отдельных видов, их совокупностей (популяций, ценозов, сообществ, трофической цепи и т.д.).

б) Индивидуальность Вернадский признает только в человеке (впервые проявляется) – для зоологов и этологов – это звучит как полный анахронизм. Но когда всё богатейшее разнообразие природных организмов, их сообществ и взаимосвязей воспринимаешь как единую безликую и однообразную массу, то тогда в ней трудно обнаружить что-то особенное и индивидуальное.

в) Вернадский считает ошибкой, когда человека противопоставляют среде: насколько уместно это геохимическое (изотропное) сравнение? Ведь противопоставляя живой организм косным телам, мы получаем действительно иное явление (Вернадский, почти, безусловно прав), но ведь человека нельзя не противопоставлять биосфере, рассматривая его только как функцию живого вещества биосферы (с точки зрения философии – это весьма разные явления). Хотя, с точки зрения геохимика – человек может быть микрофрагментом живого вещества, также успешно разложенным на атомы и молекулы, как амёбы и кораллы.

Есть и другие вопросы, но возможно, что я не понял глубину гениальной и труднопонимаемой мысли Вернадского.

2.2. В определении понятия-термина «биосфера» часто фигурирует (в советских и российских словарях) такое утверждение: «Биосфера в ходе своего развития постепенно переходит в ноосферу». Это утверждение обычно приписывают Вернадскому (иногда – Тейяр де Шардену). Но к этому утверждению мы перейдем в следующей главе, а пока – несколько фрагментов из словарей, отразивших понятие биосферы.

2.2.1. «Биосфера – область жизни, комплексная земная оболочка, охваченная и организованная жизнью. Включает живое вещество (совокупность организмов) и неживое, охваченное и организованное деятельностью живого, благодаря чему земная оболочка в целом характеризуется специфической геологической и физико-химической организованностью. Подобное понимание биосферы выдвинул В.И. Вернадский, развивавший в биогеохимическом плане идеи Э.Зюсса (о земных оболочках, в том числе биосфере). В географической и биологической литературе распространено также понимание биосферы, как совокупности организмов – живого пласта планеты (живого вещества, по Вернадскому)» [2].

2.2.2. Н.Ф. Реймерс определяет биосферу как «оболочку Земли, в которой совокупная деятельность живых организмов проявляется как геохимический фактор планетарного масштаба. Биосфера – самая крупная (глобальная) экосистема Земли – область системного взаимодействия живого и косного вещества на планете» [21].

2.2.3. А.В. Барковская выделяет геохимический аспект: «Между неживыми (косными) природными телами и живыми веществами идет непрерывный вещественный и энергетический обмен, выражающийся в движении атомов, вызванный живым веществом. ... человек (в результате организации производства) выделил себя из природы и, как отмечал Вернадский, начал создавать культурную биогеохимическую энергию

(земледелие, скотоводство)... Этот этап (эволюции биосферы) должен привести к тому, что под влиянием научной мысли и коллективного труда биосфера Земли должна перейти в новое состояние, которое Вернадский предложил назвать ноосферой» [1].

2.2.4. Чаще всего я использую краткое (гуманитарное) определение: «Биосфера – область активной жизни, комплексная земная оболочка, где живые организмы и среда их обитания органически связаны и взаимодействуют друг с другом, образуя целостную динамическую систему» [22].

2.2.5. Цитирование и самоцитирование в науке вещь весьма распространенная и почти неизбежная, но иногда посещает мысль, что избыток цитирования, а тем более, самоцитирования, может говорить о том, что у автора слишком мало собственных мыслей и гипотез, а также фактического материала для эмпирических обобщений. Тем не менее, и на этот раз мне не удастся избежать цитирования и самоцитирования, ибо кто прислушается к периферийному туземному философу, если он не будет обращаться к результатам других авторов, более известных и признанных в широких кругах научной общественности?

Несколько лет назад в статье «Этюды по эволюции биосферы. Этюд первый: вопросы возникновения жизни, постоянства «живого вещества» и устойчивости биосферы» [6] я отмечал суждение академика Г.А. Заварзина о том, что микробная биосфера занимает $\frac{3}{4}$ истории Земли, и что без этого факта бессмысленно понять движущие силы геосферно-биосферной эволюции, исходя только из конечного состояния системы. Тем не менее, В.И. Вернадский не придал этому факту решающего значения и его «целостная биосферная концепция, основанная на биогеохимических циклах, странным образом обошла катализаторов этих циклов, хотя важная роль микроорганизмов и декларировалась им» [10]. На мой взгляд, это очень важное замечание, потому как помимо академика Г.А. Заварзина никто так громко не декларировал это серьезное упущение В.И. Вернадского. В свете

этого факта мы можем иметь совсем иную динамику эволюции земной биосферы, и совершенно по-иному видеть современное состояние биосферного баланса и всех процессов геобиохимического цикла, постоянно идущих в биосфере в самом широком разнообразии результатов и последствий. Возможно, что надо говорить больше не о биотической регуляции биосферных процессов, а о доминирующей микробиотической регуляции всей глобальной экосистемы биосферы.

2.3. В.И. Вернадский рассматривал биосферу как область превращения космической энергии и в этом контексте делал жесткие априорные утверждения в духе абсолютного детерминизма: «Твари Земли являются созданием сложного космического процесса, необходимой и заключительной частью стройного космического механизма, в котором как мы знаем, нет случайностей» [4].

Вполне себе в духе детерминизма Лапласа начала XIX века, но наука и естествознание второй половины XX века и особенно XXI – это не механика XVIII и начала XIX века. И значение случайных процессов получило широкое значение и распространение, как в квантовой физике, так и во многих других отраслях естествознания. Поэтому, многие гипотезы и утверждения Вернадского требуют критической научной ревизии или системного анализа с позиций сегодняшнего дня (2026 г.).

2.4. Естественно, что нуждается в пересмотре утверждение В.И. Вернадского о том, что «в мире организмов в биосфере идет жесточайшая борьба за существование – не только за пищу, но за нужный газ, и эта последняя борьба более основная, так как она нормирует размножение» [4].

В статье [7] я уже отмечал, что это категорическое утверждение абсолютизации «борьбы за существование» во многом уже устарело, и что существуют такие явления как «симбиоз» и «коэволюция», и что мир организмов это не замкнутое пространство с вечным дефицитом газов и других элементов жизненных процессов.

2.5. Одно из ключевых высказываний В.И. Вернадского о том, что «биосфера в основном стихийно переходит в высшую эволюционную стадию развития – ноосферу» [4] – опять какой-то неуловимый космический детерминизм. В очерке [8] я уже отмечал, что без космической программы (нам неизвестной) и независимо от человеческой деятельности – переход биосферы в ноосферу не произойдет, тем более, что само понятие «ноосфера» гораздо более гипотетическое и неоднозначное, чем биосфера.

2.6. Повторюсь, что число сомнительных или явно устаревших утверждений Вернадского в «Биосфере» и в других работах – весьма значительно.

Например, утверждение о вторичности появления бактерий (после зеленых растений) и что «в археозое вся масса свободного кислорода была того же порядка, что мы видим и ныне» и что «количество жизни неизменно или почти неизменно и в геологические периоды, начиная с археозоя» [4].

2.7. Тем не менее, есть и немало высказываний Вернадского, которые подверглись критике в течение XX века и поныне непризнающихся наукой, но на мой взгляд, имеющих право на новое осмысление. И главное из них – это космическое, а не земное происхождение жизни на нашей планете.

Несмотря на все усилия науки XX века, факт самозарождения жизни на Земле до настоящего времени не доказан. Более того, он является более слабой научной гипотезой, чем гипотеза космической природы и «занесения жизни из космоса» на нашу планету.

3. Ноосфера.

3.1. «Ноосфера – сфера взаимодействия природы и общества, в которой человеческая деятельность становится главным определяющим фактором развития (для обозначения этой сферы употребляют также сходные термины: техносфера, антропосфера, социосфера). ... По В.И. Вернадскому, биосфера закономерно переходит в ноосферу, поскольку, познавая законы природы и развития техники, человечество придает ей черты новой, более высокой организованности» [18].

Я нахожу в данном определении некоторый сумбур. Во-первых, ноосфера не эквивалентна техносфере, антропосфере и социосфере. Это не синонимы, а термины, означающие весьма разные содержания. Во-вторых, человечество в ближайшем будущем (тем более, во время Вернадского) никак не может придать биосфере более высокую организованность в ноосфере, чем организованность, имеющая место в биосфере. Такое утверждение – биологически и экологически безграмотно. Его можно принимать как крайнюю точку зрения антропо- или техноцентризма.

3.2. «Ноосфера – буквально «мыслящая оболочка», сфера разума, высшая стадия развития биосферы, связанная с возникновением и становлением в ней цивилизованного человечества, с периодом, когда разумная человеческая деятельность становится главным определяющим фактором развития на Земле. ... Слова В.И. Вернадского «перестраивать коренным образом» следует понимать лишь в рамках основной цели сохранения биосферы, пригодной для жизни людей» [21].

В данном случае, я не разделяю мнение Н.Ф. Реймерса о том, что В.И. Вернадский был сторонником «сохранения биосферы, пригодной для жизни людей»: одна его концепция (идея, гипотеза) об автотрофности человечества и постоянное подчеркивание несовершенства человека, как промежуточного звена, как предшественника более совершенного разумного существа, не говоря о гипотезе превращения в «лучистую энергию или вещество», скорее говорят о том, что Вернадский был сторонником кардинального переустройства биосферы и биотехнологической трансформации человечества. Во-вторых, само понятие «разумной человеческой деятельности» с точки зрения истории одного только XX века выглядит весьма неоднозначным и подлежит серьезной герменевтической интерпретации. Если считать, что замена всего естественного искусственным есть разумная человеческая деятельность, то это скорее техносфера или «искусственная оболочка Земли».

3.3. «Ноосфера – область планеты, охваченная разумной человеческой деятельностью. Учение о ноосфере создано В.И. Вернадским и Т.де Шарденом» [22].

Во-первых, Вернадский и Т.де Шарден говорили и писали о совершенно разных (по содержанию) ноосферах.

Во-вторых, строго логически нельзя утверждать, что Вернадский создал «учение о ноосфере» - такое утверждение больше похоже на околонаучный идеологический миф. Как такового, единого и общепризнанного учения о ноосфере вообще не было, и нет по настоящее время.

В-третьих, какая же это разумная человеческая деятельность, если она часто бывает просто разрушительной – и в отношении биосферы, и в отношении человечества, и в отношении отдельного человека?

3.4. Изначально, неоднозначность термина «ноосфера» породила кардинально различное понимание. «Гуманитарии» видят в нем «светлое будущее» (чаще всего – утопические варианты толкования), «технари» видят в ней техническое развитие цивилизации в прошлом, настоящем и будущем и кардинальное переустройство природы под человеческие «представления и потребности». К примеру, А.И. Перельман представлял себе следующий образ: «Учение В.И. Вернадского о ноосфере является дальнейшим развитием биогеохимии, оно основано на той же методологии. ... Человек не только ускорил миграцию атомов на Земле, но и создал новые пути этой миграции, невиданные ранее состояния и сочетания атомов... В движение пришли химические элементы, находившиеся в покое в течение целых геологических эр и периодов – миллионов и миллиардов лет. ... В результате техногенеза биосфера сильно изменилась. Такая преобразованная биосфера и именуется «ноосферой» - сферой разума» [19].

Близкой точки зрения, на мой субъективный взгляд, придерживался М.М. Камшилов: «Перед человеческим обществом возникает грандиозная задача – разработка методов и способов сознательного регулирования обмена

веществ между человеком и биосферой, включение человеческой деятельности в биотический круговорот планеты» [12].

Не сложно заметить, что оба автора (один – с геохимических, другой – с биологических позиций) говорят об одном и том же – о возрастании объемов техногенной деятельности цивилизации, и, видимо, только в этом видят смысл разумной деятельности человечества по созданию ноосферы.

И, действительно, оба автора мыслят «по Вернадскому»: «Биогенный эффект работы научной мысли реально смогут увидеть только наши отдаленные потомки: он проявится ярко и ясно только через сотни, едва ли десятки декамириад» [3].

3.5. Весьма существенно по-иному видят «ноосферу» гуманитарии: «В.И. Вернадский не оставил нам теории ноосферы в общепринятом смысле этого слова... Формирование ноосферы является важнейшей задачей, к решению которой подошла человеческая цивилизация» [9].

Более развернуто и обоснованно такую позицию выразил академик Н.Н. Моисеев: «Переход биосферы в её новое состояние, которое мы называем теперь ноосферой, то есть вступление человечества в новую эру своего развития, в эпоху ноосферы, обеспечение коэволюции человека и биосферы не может произойти автоматически. Это будет мучительный и небыстрый процесс выработки новых принципов согласования своих действий и нового поведения людей. Другими словами, новой нравственности. Это означает, что переход в эпоху ноосферы потребует коренной перестройки всего нашего бытия, смену стандартов и идеалов» [16].

Не трудно согласиться с тем, что это кардинально различное понимание термина «ноосфера»: у одних – это безудержное развитие техники, замена естественного искусственным, а у других – это новые нравственные отношения между людьми и странами, коэволюционные отношения между человеком и биосферой. У первых – это дальнейшее разрушение биосферы в целях удовлетворения растущих запросов

цивилизации, у других – это желание сохранить естественную целостность биосферы и изменить отношения в обществе и ориентиры развития человеческой цивилизации.

3.6. В последние десятилетия появилась новая точка зрения на ноосферу Вернадского. Эта точка зрения так называемых глобалистов или глобализаторов. Один из представителей этого «научного мейнстрима» А.Н. Чумаков утверждает: «В 1970-80-е годы в отечественной науке и философии вокруг ноосферной идеи развернулись оживленные дискуссии, в результате чего термин «ноосфера» был не только возрожден, но и обрел популярность, а в последующем стал по существу «священной коровой» для целого поколения советских и российских экологов. Несомненно, положительным итогом возросшего внимания к проблемам взаимодействия природы и общества явилось то, что имя замечательного русского ученого и философа В.И. Вернадского, незаслуженно забытого на многие годы, обрело громкое звучание» [26].

Далее, А.Н. Чумаков развивает свои взгляды на концепцию ноосферы, её критику и предлагает не увлекаться ею, не боготворить и т.д. Разумеется, в его рассуждениях есть рациональный взгляд на «ноосферологические тенденции», но вышеизложенная точка зрения (в цитируемом фрагменте) – никак не соответствует исторической действительности, а скорее напоминает идеологический штамп времен «горбачевской перестройки». Никто и никогда не забывал «на долгие годы русского ученого и философа В.И. Вернадского». С 1945 года (после его смерти) многие его работы были в постоянном научном обороте (это не трудно проверить и по цитированию работ Вернадского и по публикациям о нем самом). Во-вторых, я не знаю такого философа В.И. Вернадского, хотя бы потому, что Вернадский всегда подчеркивал, что он ученый-натуралист и естествоиспытатель, и всегда дистанцировался от философии, особенно в советское время. Об этом также много высказываний самого Вернадского в опубликованных дневниках и переписке. В-третьих, термин «ноосфера» практически никогда не был

«священной коровой» у настоящих экологов, имеющих биологическое или экологическое образование, а скорее у так называемых «экологистов», активистов общественной и идеологической деятельности – это также не трудно проследить по многочисленным публикациям 1970-2020х гг. Разумеется, что были исключения, но экологи, изучающие жизнь биосферы в реальности, как правило, не страдают «утопизмом» и «глобализмом» (это мои субъективные многолетние наблюдения).

3.7. «Я мало знаю Маркса, но думаю, что ноосфера всецело будет созвучна с его основными выводами. Образование ноосферы вне воли людей, и не может быть остановлено человеческой историей: оно следствие неизбежного полного заселения всей планеты» (из письма Вернадского Б.Л. Личкову 1 октября 1940 года [20]).

4. Естествознание и философия.

4.1. «Естествознание – совокупность знаний о живой и неживой природе. Синоним – естественные науки» [21].

4.2. «Естествознание – обозначение традиционной совокупности наук о природе, ориентированной на исследование пространственно-временной структуры природных объектов, закономерностей их бытия и развития. Естествознание наряду с науками об обществе и о мышлении является важнейшей совокупностью человеческого знания. Естествознание – теоретическая основа техники и технологии промышленного и сельскохозяйственного производства, медицины. ... Для классической философской традиции характерно сближение естествознания с гуманитарным познанием, рассмотрение их в едином ряду ценностного постижения единого мира» [13].

4.3. «Гуманитарное знание. Если быть строгим, надо признать: специализированной методологии гуманитарных наук, по своим разработанности, значительности и значимости сопоставимой с методологией наук естественных, невзирая на несомненные находки –

проницательные мысли и обобщения немногочисленных теоретиков – энтузиастов, до сих пор не сложилось» [11].

4.4. «Философия – особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о фундаментальных принципах и основаниях человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни во всех её основных проявлениях. Философия стремится рациональными средствами создать предельно-обобщенную картину мира и места человека в нем» [24].

4.5. Все выше означенные определения (п.4.1-4.4) я ввел по принципу случайного субъективного отбора, с целью создать первичные ориентиры для читателя и обозначить некоторые свои субъективные предпочтения (несвязанные или недоросшие до искусственного интеллекта).

Все эти определения можно оспаривать, можно дополнять. По большому счету, деление на естественные и гуманитарные науки я считаю устаревшим. На мой взгляд, существует единая наука о мире и человеке в нем. Все остальное – многочисленные и разнообразные теоретические и прикладные формы отображения абстрактного знания, в разной степени формализованные или психологически субъективированные, различающиеся уровнем качества, оригинальности и глубины проникновения (откровения). Философия – это нечто объединяющее естественные и гуманитарные науки и подводящее черту под всей совокупностью обнаруженных человеком знаний. Она может быть наукой, а может быть просто квинтэссенцией житейской земной мудрости.

4.6. Как мы знаем из истории, В.И. Вернадский не был философом, а в отдельные периоды жизни (1936-37 гг.) негативно относился к философии (думаю, прежде всего потому, что окружающая его философия того времени была тесно обусловлена идеологией – А.В.).

Также мы знаем, что «Вернадский не занимался законами общественного развития» [14]. У этих же философов есть любопытное наблюдение: «Абсолютизация эмпирических обобщений никак не

получалась у В.И. Вернадского, создавшего одновременно немало теоретических построений, предложившего целый ряд перспективных гипотез. Ученый-мечтатель, которым был по сути В.И. Вернадский, не может быть эмпириком» [14].

Я отношусь к этому наблюдению весьма неоднозначно. Нельзя называть Вернадского только теоретиком и мечтателем в отношении естественных наук. Но в отношении наук гуманитарных – я согласен в том, что Вернадский был далек от глубокого анализа тех процессов, что происходили в стране и в мире, и потому нередко отвлекался на мечты и фантазии (скажем так, гревшие душу пожилому человеку в тяжелое время и в суровой стране). В результате этих отвлечений и возникает навязчивая мечта о ноосфере – как научная альтернатива идеям коммунистического строя будущего.

4.7. Означенную выше гипотезу (о возникновении идеи ноосферы у Вернадского) можно косвенно подтвердить высказыванием Н.Н. Моисеева, самого яркого последователя Вернадского в 70-90-е годы XX века в нашей стране: «Утопии людям необходимы – это своеобразный катализатор для человеческой мысли и активности, расширяющий представления о возможных вариантах общественного развития. Они формируют духовный мир людей, а значит и направляют их усилия» [17].

Отсюда проистекает одно мое личное наблюдение: когда продвинутой научной интеллигенции в СССР в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого века стало ясно и понятно, что никакого коммунизма (как обещал энергичный Н.С. Хрущев) к 1980 году и позднее не будет построено, то она ухватилась за идею ноосферы Вернадского, как новую, но более отдаленную перспективу гармоничного общества будущего. И, вероятно поэтому, идея ноосферы обрела в научных и интеллигентных кругах особую популярность в 1970-1990-е гг. В большей степени как обновленная утопия «светлого будущего».

4.8. На рубеже 2000-х (2000-2012) в России воцарился новый капитализм «с человеческим лицом», и утопия ноосферы начала интенсивно

угасать. Пришла новая эпоха «великого передела», которую очень достоверно обрисовал социолог-эколог О.Н. Яницкий: «Это – новая макроэкология мира (экосистема), в которую все быстрее втягивается Россия. Всепроникающий и унифицирующий поток (денег, товаров, ресурсов, людей, информации), противостоящий природному и культурному разнообразию «мест» (локальных и региональных социоприродных экосистем), которые поддерживают биосферу в относительном равновесии – вот ключевой социально-экологический конфликт современности и главная проблема дисциплины «социальная экология эпохи глобализации» [27].

4.9. После 2012 года глобальная мировая ситуация начала резко обостряться. И в немалой степени, по причинам обострения борьбы за ресурсы. Потому что в XXI веке уже ни для кого не секрет, что «глобальная экономика – только подсистема биосферы, и легко перечислить природные процессы, без которых она была бы невозможна, но нет смысла сравнивать их важность, так как они взаимозависимы по принципу обратной связи» [23].

В итоге обострения этой борьбы, кроме прочих негативных эффектов к 2020 году уже в «полный рост» была развернута мировая гонка по развитию искусственного суперинтеллекта, которая уже дает обильные плоды. По оценкам ведущих мировых экспертов, к 2030-35 гг. кто-то уже получит на вооружение суперинтеллект, а может быть сразу и несколько противостоящих искусственных суперинтеллектов. Тогда возникает три варианта глобального развития: 1) война суперинтеллектов противостоящих блоков (со всеми печальными вытекающими последствиями), 2) объединение искусственных суперинтеллектов противостоящих сторон и полное упразднение человечества в течение 50-100 лет (единого планетарного концлагеря искусственного интеллекта для человеческого населения всех стран и народов), 3) третий вариант – последняя надежда – объединение всех стран и народов в единый планетарный союз, ставящий под полный контроль развитие всех форм искусственного интеллекта и позволяющий сохранить

человечество как доминирующую разумную популяцию нашей планеты (по крайней мере, на ближайшие столетия).

Без всякого сомнения, третий вариант – самый желанный для 99,9% населения Земли. Но кто его будет спрашивать, и кто его будет слушать? Поэтому вероятность реализации этого варианта – не более 1% или даже 0,1% от всех трех вариантов.

4.10. А теперь зададимся вопросом – мог ли представлять себе Вернадский такую (только что изложенную выше по тексту) картину развития ноосферы в 30-40-е годы XX века? Естественно, что нет. Не решив вопрос выживания человечества в сложившейся к 2026 году глобальной ситуации, мы можем только надеяться, что продвинутый искусственный суперинтеллект создаст свою ноосферу, в которой мы окажемся, в лучшем случае, в роли лабораторных подопытных мышей.

4.11. Что же касается науки и философии в целом, то в течение ближайшего десятилетия (максимум 15-20 лет) вся человеческая наука переключается в сферу искусственного интеллекта, а всю научную и философскую братию, как в нашей стране, так и во всем мире, ждет почти 100% безработица (увольнение, как потерявших квалификацию). Конкурировать с искусственным интеллектом в сфере науки и философии вряд ли будет возможно, да и сами эти направления будут уже содержать мало чего человеческого. Добавлю, это никакой ни алармизм и катастрофизм. Это реальная вероятность, близкая к единице (примерно 99,7%).

5. Заключительные замечания.

5.1. «Идея об объединении всего человечества становится реальностью только в наше время... Ясно, что создание такого единства есть необходимое условие организованности ноосферы, и к нему человечество неизбежно придет» [5].

5.2. «Но главное и основное – это происшедшее в 1936-1937 годах моё решительное отрицание примата философии для науки. Я философский

скептик потому, что наука дала столько нового, не тронутого философской мыслью, что пока философия их не усвоит и не подвергнет анализу – под их влиянием не изменится, она нам сейчас не интересна. В 1932 году я думал, что для симметрии нужны философские работы, в 1942 году я считаю, что нужно идти научным анализом» [20].

5.3. «Скорость, с которой люди уничтожают предпосылки жизни, мазохизм, с каким они развенчивают себя концептуально, близорукость, с которой они, разрушая социокультурные связи, заменяют их технологиями, вдохновение, с каким приветствуется все противоестественное ... свидетельствует об обострении проблемы соотношения человеческого и постчеловеческого миров» (Кутырев, 2003) [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барковская А.В. Биосфера // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скаун, 1998. С. 79.
2. Биосфера // Философский энциклопедический словарь. Сост. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 61.
3. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука. 1988. 519 с.
4. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. Отв. ред. Б.С. Соколов, А.А. Ярошевский. – М.: Наука. 1989. 261 с.
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
6. Винобер А.В. Этюды по эволюции биосферы. Этюд первый: вопросы возникновения жизни, постоянства «живого вещества» и устойчивости биосферы // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2022 № 5 (46). С. 5-19.
7. Винобер А.В. [Биосфера и ноосфера В.И. Вернадского: субъективный взгляд из 2025 года. Очерк первый](#) // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2025. 5 (82). С. 42-55.
8. [Винобер А.В. Биосфера и ноосфера В.И. Вернадского: субъективный взгляд из 2025 года. Очерк второй](#) / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2025. 6 (83). С. 5-13.
9. Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. – М.: Наука, 1987.- 182 с.
10. Заварзин Г.А. Лекции по природоведческой микробиологии. – М.: Наука, 2003. – 348 с.
11. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. – М.: Издательство Московского университета. 1993. 168 с.

12. Камшилов М.М. Эволюция биосферы. – М.: Наука, 1974. – 254 с.
 13. Карако П.С. Естествознание // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скаун, 1998. С. 237-238.
 14. Карпинская Р.С., Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия. – М.: Интерпракс. 1995. 352 с.
 15. Кутырев В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии. 2003. 1. С. 69
 16. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера.- М.: Мол. гвардия. 1990. – 351 с.
 17. Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям.- М.: ИздАТ, 1993. – 192 с.
 18. Ноосфера // Философский энциклопедический словарь. Сост. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. - М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 428.
 19. Перельман А.И. Геохимия биосферы. – М.: Наука. 1973. 167 с.
 20. Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым (1940-1944) / АН СССР. Архив; Сост.: Неаполитанская В.С. - М.: Наука, 1980. 223 с.
 21. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. – М.: Мысль, 1990. – 637 с.
 22. Словарь социально-гуманитарных терминов. Под ред. [Айзенштадт А. Л.](#) М.: Тесей. 1999. 320 с.
 23. Смил В. Глобальные катастрофы и тренды: Следующие 50 лет. Пер. с англ. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2012. 368 с.
 24. Степин В.С. Философия // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скаун, 1998. С. 756-756.
 25. Ферсман А.Е. Жизненный путь академика Владимира Ивановича Вернадского. В кн. А.Е. Ферсман. Избранные труды. – М.: изд-во АН СССР, 1958. Т.5. С. 787-805.
 26. Чумаков А.Н. Глобализация. Контурсы целостного мира : монография. - 2-е изд., перераб и доп. – М.: Проспект, 2015. 432 с.
 27. Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2008. – 224 с.
-

A.V.Vinober
Irkutsk, Russia

VERNADSKY'S TEACHING IN THE CONTEXT OF MODERN PHILOSOPHY AND NATURAL SCIENCE

In the final essay of the cycle "Vernadsky's Teaching", the author continues the subjective understanding of the doctrine of the biosphere and Vernadsky's "image of the noosphere" in the context of modern philosophy and natural science.

Keywords: biosphere, noosphere, Vladimir Ivanovich Vernadsky, natural science, philosophy

Поступила в редакцию 30 июня 2026

*А.В. Винобер
Иркутск, Россия*

**ФИЛОСОФИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА. ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ.
Е.Н. ТРУБЕЦКОЙ – ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПРАВА И
МЕТАФИЗИКА АБСОЛЮТНОГО**

Целью данного очерка является не претензия на очередную сомнительную объективность в описании творчества выдающегося автора, а только выражение опыта субъективного познания. Автор проводит критический анализ «Энциклопедии права» Е.Н. Трубецкого, который осуществляет на основе фрагментарных случайных выборок, в зависимости от собственных субъективных предпочтений, ибо осуществить полный детальный критический анализ такого объемного и терминологически насыщенного труда – это задача, посильная для целого авторского коллектива или задача для многолетних усилий одного автора (если не привлекать к выполнению этой задачи искусственный интеллект). Е.Н. Трубецкого, как философа естественного права, по мнению автора, нельзя ставить выше Б.Н. Чичерина, Вл. Соловьева и Л.Петражицкого, которых он изрядно интерпретирует, поправляет или даже сильно критикует (как Л. Петражицкого). Как собственно философа (онтолога и гносеолога) Е.Н. Трубецкого вряд ли можно оценить выше, чем других известных русских религиозных философов и моралистов. Но как православный богослов – Е.Н. Трубецкой – один из лучших.

Ключевые слова: философия естественного права, Евгений Николаевич Трубецкой, энциклопедия права, метафизика абсолютного, историческая школа

1. Вместе введения.

1.1. «Право – прежде всего явление психическое. Первоначальным источником права всегда и везде является наше сознание. Поэтому сила и действительность всякого позитивного права обуславливаются теми неписанными правовыми нормами, которые обитают в глубине нашего сознания, его внутренними велениями. Всякий внешний авторитет может иметь силу лишь до тех пор, пока люди убеждены в необходимости ему подчиняться. ... Порядок, власть, собственность для нас ценны не сами по себе, а как средства для ограждения жизни и безопасности человеческой личности и для её преуспеяния. Человеческая личность для нас и есть та безусловная ценность, которая сообщает обязательное значение и силу всем внутренним правовым велениям нашего сознания» Е.Н. Трубецкой [18].

1.2. «Истина – или ничто, или она не человеком вымышленная, независимо от человека и от какого-либо психологического субъекта –

действительная мысль. Если нет такой всеединой мысли, объемлющей всё, что есть, что было и что будет – мысли в которой увековечено исчезнувшее со всеми его мельчайшими подробностями и предвосхищено будущее, то истина прошедшего и будущего, более того, всякая вообще истина тем самым превращается в ничто» Е.Н. Трубецкой [16].

1.3. «Дурная бесконечность жизни вообще заключается в том, что все пожирают друг друга и никогда до конца не насыщаются. ... Единое солнце светит всем живым существам; все им согреваются, все так или иначе воспроизводят в своей жизни солярный круг с его периодическими сменами всеобщего весеннего оживления и всеобщего зимнего умирания. ... Но, согреваясь внешними лучами, все оживают для взаимного истребления, все спорят из-за лучшего места под солнцем, все хотят жить, а потому все поддерживаю дурную бесконечность смерти и убийства» Е.Н. Трубецкой [17].

Процитированные выше три фрагмента из текстов Е.Н. Трубецкого выбраны мной случайно и неслучайно. Они весьма неоднозначно отражают смыслы, отраженные в творчестве выдающегося русского правоведа и философа. Поэтому нахожу необходимым сразу дать свой субъективный комментарий этим фрагментам, чтобы, отчасти, обозначить особенности своего субъективного восприятия и понимания, а заодно – развеять изначальные недоумения моих потенциальных читателей по поводу случайно-неслучайно вырванных из огромного контекста творчества Е.Н. Трубецкого именно этих фрагментов.

1.1.1. По поводу «право – прежде всего явление психическое» можно сказать, что такое заявление для Евгения Николаевича довольно редкое. Тем более, что во многих случаях, он оспаривает доминанту психического, как основание для объяснения природы права. Особенно ярко это обнаруживается в критике психологической теории права профессора Л.Петражицкого. В данном фрагменте обнаруживается истинная позиция Е.Н. Трубецкого в отношении механизма позитивного права, потому как

дается явный акцент на определяющем значении правосознания субъекта, на велении внутренних психологических актов выбора личности по отношению к действующим нормам позитивного права в зависимости от убеждений и осмысленности внешней правовой и нравственной ситуации. По существу, Е.Н. Трубецкой говорит здесь о наличии интуитивного правосознания, основанного на психологии сознания и выбора.

1.2.1. Второй фрагмент (1.2) однозначно совершенно не случайный. Можно сказать, что в нем представлены главные черты всей философской системы Е.Н. Трубецкого. То есть, истина, если она есть, она безусловна и абсолютна, и не зависит от психологии субъекта. Здесь наглядно видны отзвуки критики Трубецким философии Канта, основанные на убеждении существования Единого и Абсолютного, независимого от всей нашей совокупной субъективности посюстороннего мировосприятия.

1.3.1. Следующий фрагмент (1.3) из последнего произведения Е.Н. Трубецкого «Смысл жизни» можно назвать случайным и нехарактерным. В нем слышны мотивы юношеского позитивизма (до времени полного обращения к Абсолютному). Но на самом деле, на мой субъективный взгляд, Е.Н. Трубецкой приводит данный фрагмент с целью сопоставления двух миров – мира природы, где господствуют биологические законы и мира человеческого, где господствуют законы морали и нравственности. И как он сам отвечает в данном произведении, крайняя биологизация мира человеческого (уподобление миру животной жизни) может вести только к сатанизму, отрицающему все моральное и нравственное.

1.4. Немного о Евгении Николаевиче Трубецком.

1.4.1. «Евгений Николаевич Трубецкой (1863-1920) – выдающийся русский мыслитель, чьи труды вошли в золотой фонд отечественной правовой и философской мысли. Е.Н. Трубецкой получил образование на юридическом факультете Московского университета, где одновременно изучал философию и богословие. После защиты докторской диссертации был профессором Киевского, а с 1906 года Московского университета.

... Развивая религиозно-философские взгляды на действительность, Е.Н. Трубецкой выступает как один из видных представителей философии всеединства в России. До конца своих дней он остается верным последователем философии Вл. Соловьева, однако в ряде существенных моментов Трубецкой отходит от учения великого русского философа и строит свою теоретическую модель действительности.

... Естественное право для Трубецкого имеет сложное, иерархическое, пирамидальное строение. На вершине пирамиды – Бог в его христианском понимании. Далее располагается вечный, абсолютный и неизменный нравственный закон, и далее, к основанию пирамиды, располагаются конкретно-исторические представления людей о правде и справедливости и основанные на них убеждения о принципах организации общества и государства, месте и роли личности в них. Причем более поздние взгляды являются шире и богаче по содержанию более ранних. Это доказывается тем, что общество идет по пути прогресса в области нравственности, а следовательно, и в области естественно правовых воззрений» Г.Г. Бернадский [2].

1.4.2. «В главных философских сочинениях «Миросозерцание В.С. Соловьева» (т.1-2, 1913), «Метафизические предпосылки познания» (1917) и «Смысл жизни» (1918) Трубецкой осуществляет критическое переосмысление философии Соловьева, стремясь согласовать её с ортодоксальной христианской доктриной и устраняя из его учения о «положительном всеединстве» элементы пантеизма, эволюционизма, теократической социальной утопии. Абсолютное всеединство истолковывается Трубецким через понятие абсолютного сознания: абсолют, не будучи сущностью всего в мире (каковым он был, по Трубецкому, у Соловьева), объемлет мир как всеведение, охватывающее действительное и возможное, правду и заблуждения. Божественная «премудрость», София, у Трубецкого не тождественна этому всеединому знанию, она – идеальный замысел о мире, возможность, которую человек волен принять или

отвергнуть. Развивая онтологический подход к проблемам познания, попытался осуществить критический пересмотр гносеологии кантианства» [20].

1.4.3. «Не принимая ни панлогизма (Гегель), ни субъективистского алогизма (Бердяев, частично Флоренский), Трубецкой стремился строить свою философию (называя ее логизмом) как доказательство сугубой разумности безусловного бытия. Центральной для Трубецкого была тема неизменного и вечного смысла жизни. Онтологические основания решения проблемы выявляются Трубецким в концепции абсолютного сознания, продолжающей и уточняющей интуицию Всеединства В. Соловьева. Исключение сознания из абсолютного бытия равнозначно его уничтожению. «Истина есть всеединое сознание, а не всеединое сущее; ибо Абсолют, не являясь сущностью всего в мире, объемлет мир не только сознательно, но и предвечно как всезнание, всеведение и всевидение, что делает возможной процессуальность бытия. ... Критически оценивая кантианство, Трубецкой считает, что нужно от гносеологизма психологической школы немецкого идеализма перейти к метафизическому оправданию познания, опирающегося на отмеченное выше понимание всеединого, что и позволит найти ответ на вопрос «как возможно сознание?» Материал познания весь во времени, но истина о нем в вечности и потому познание возможно как органическое единство мысли человеческой и абсолютной, когда искание истины есть попытка найти безусловное сознание (или откровение как сознание иного) в моем сознании; в единстве истины человеческой ум должен обнаружить свое единство – истинную и подлинную норму разума, состояние которого не антиномизм (Флоренский), а противоречивость. ... Бог является центром и смыслом эволюции, но не её субъектом и закрыт от нее миром как сущим становящимся, что и открывается нам в опыте, который, при всей данности в нем безусловного, не выводит человека за пределы мира, вовлекая его тем не менее, в силу законченности времени во всеедином сознании в жизненное общение с Богом» [13].

1.4.4. И.И. Евлампиев, излагая философские и правовые воззрения Е.Н. Трубецкого, находит отправную точку в высказывании Трубецкого: «Приняв веру, я не только отбросил философию; наоборот, стал верить в нее так, как раньше никогда не верил, потому что почувствовал её призвание – быть орудием Богопознания» и отмечает далее, в качестве основной линии, знакомство Е.Н. Трубецкого в 1886 году с Владимиром Соловьевым, вследствие чего «система Соловьева стала для Евгения Трубецкого образцом того Богопознания, которое является высшей целью философской мысли; именно этим объясняется огромное влияние, которое Соловьев оказал на духовное развитие своего друга.

... Критикуя кантианские и антропоцентристские мотивы и рассуждения Соловьева, Трубецкой защищает догматическую концепцию, основанную на убеждении безусловной независимости Бога от мира и человека, его полной свободы в отношении своего творения. ... Свои усилия Трубецкой направляет на то, чтобы показать отсутствие непреодолимых антиномий между временностью мира и вечностью Бога, свободой человека и всеведением Бога» [10].

1.4.5. Не поддаваясь соблазну комментировать все предыдущие цитаты (1.4.1.-1.4.4.), выскажу свое сугубо личное и субъективное мнение.

Возможно, что это мнение следовало бы приберечь к окончанию, к заключительным выводам, но так как моей целью является не претензия на очередную сомнительную объективность в описании творчества выдающегося автора, а только выражение опыта субъективного познания, то нахожу целесообразным изначально обозначить свою позицию и свое отношение к текстам Е.Н. Трубецкого и к его научной методологии.

1.4.5.1. Я не согласен с оценкой отдельных авторов [8] о том, что в творчестве Е.Н. Трубецкого присутствует методологический плюрализм по отношению к философии права. На мой взгляд, Е.Н. Трубецкой использует всегда один и тот же методологический подход, в основе которого доминирует субъективный критицизм, богословский догматизм и

философский стиль оформления своих взглядов, т.е. техника по преимуществу, субъективного философского идеализма. Если внимательно читать философские тексты, то легко обнаружить, что все его предшественники в основном ошибаются (Гераклит, Гегель, Кант, Вл. Соловьев, не говоря уже о Л. Петражицком и других современниках), а Е.Н. Трубецкой всегда прав, ибо у него существует особая связь с абсолютным и безусловным знанием.

Образно говоря, содержание текстов Е.Н. Трубецкого на четыре пятых – это догматическое богословие, а на одну пятую – это философская техника оформления. Хотя декларативно, Е.Н. Трубецкой претендует на обратную пропорцию: якобы четыре пятых содержания его текстов – это философия, а только одна пятая – это завуалированный богословский догматизм. И надо сказать, что эта претензия работает – большинство исследователей считают и читают Е.Н. Трубецкого как философа. Здесь, по моему мнению, кроется та же удивительная иллюзия, имеющая место в отношении великого философа Георга Гегеля, который, на самом деле, на половину или даже на две трети теолог, а не философ. Впрочем, это распространенная практика в философии и научном познании, где идеологи также признаются философами, как и теологи.

1.4.5.2. Также я не разделяю мнение Б.В. Васильева [3] считающего, что «Е.Н. Трубецкой обосновал философскую концепцию права как теорию естественного права с изменяющимся содержанием», так как по моему субъективному мнению, так называемая «теория естественного права Е.Н. Трубецкого» есть по преимуществу богословская концепция, а не философская (по своему глубинному содержанию).

1.4.5.3. Вполне согласен с мнением У.А.Кашапова [12], что концепция жизненного пути или «Смысла жизни» Е.Н. Трубецкого, сильно напоминает утопический проект по преимуществу религиозного содержания. В этом отношении могу сказать, что с 1994 по 2001 году я не однажды читал и перечитывал «Смысл жизни» Е.Н. Трубецкого и никак не мог уяснить для

себя, почему по преимуществу богословский трактат многие называют философским, не подчеркивая при этом, что «Смысл жизни» - это одно из самых ярких богословских произведений в истории России...

1.4.5.4. Также я вполне разделяю мнение о том, что концепция естественного права Б.Н. Чичерина существенно отличается от взглядов на теорию естественного права Е.Н. Трубецкого [21]. Хотя последний высоко ценил творчество Чичерина, но далеко не во всем понимал и разделял взгляды Б.Н. Чичерина.

1.4.5.5. Многие авторы считают, что Е.Н. Трубецкой был большим знатоком истории философии права, отталкиваясь от курса лекций по истории философии права, которые Е.Н. Трубецкой читал в Киевском университете. На мой взгляд, они серьезно ошибаются (говоря терминологией Евгения Николаевича). Либо они невнимательно читали эти лекции, либо они сами слабо ориентируются в истории философии и истории философии права.

Без сомнения, в данном курсе есть неплохие фрагменты и удачные формулировки, но в целом, часто встречаются слабые места, показывающие более мифологическое, чем научное знание древней истории. Можно было приводить уйму примеров по этому поводу, но я ограничусь только одним: «Гегель справедливо указал, что в эпоху Сократа разложение древнего мирозерцания было всеобщим». Во-первых, я не считаю Гегеля серьезным знатоком античной истории, во-вторых, для такого заявления даже в наше время нет достаточных научных фактов, подтверждающих достоверность данного утверждения, тем более что оно ложно по своему содержанию.

1.4.5.6. Не увлекаясь дальнейшими критическими рассуждениями субъективного характера, ибо еще будет глава «Заключительные замечания», я в настоящий момент перехожу к критическому анализу «Энциклопедии права» Е.Н. Трубецкого, который намереваюсь осуществить на основе фрагментарных случайных выборок, в зависимости от собственных субъективных предпочтений, ибо осуществить полный детальный

критический анализ такого объемного и терминологически насыщенного труда – это задача, посильная для целого авторского коллектива или задача для многолетних усилий одного автора (если не привлекать к выполнению этой задачи искусственный интеллект).

2. Определение права.

2.1. «Первая и основная задача юридической энциклопедии заключается в определении самого понятия о праве. Пока мы не выясним себе, что такое право вообще, все наши суждения о тех или других конкретных видах права будут страдать неясностью, отсутствием определенного научного содержания. ... При отсутствии удовлетворительного определения понятия права не могут быть проведены ясные границы между правоведением и другими науками, а при отсутствии таких границ наука права всегда рискует или не охватывать весь свой предмет, или совершить захват из других, чуждых ей областей знания» [18].

Такое начало у энциклопедии Е.Н. Трубецкого. Не знаю как вам, уважаемый читатель, а мне это начало напомнило о Сократе и софистах: как будто бы до Е.Н. Трубецкого никто не давал определения права (либо все определения недостойны того, чтобы их озвучивать и комментировать), поэтому сократствующий Е.Н. Трубецкой начинает от состояния полного отсутствия определений, используя сократо-софистическую технику, издалека и окружными путями подходить к понятию права и его первому определению.

Увлечение Сократом – давняя слабость Евгения Николаевича. Еще в курсе «Истории философии права» Трубецкой категорически утверждает, что «Сократ для всех времен и народов сохраняет свое значение как величайший тип философа» [19].

Оттуда же, глава XIII «Христианство», мы узнаем, что «Платон был христианином до Христа, что Сократ и Платон – предшественники христианства, а Аристотель всецело на языческой почве».

Е.Н. Трубецкой нередко в своей аргументации обращается к историческим персонам и установлениям, ссылаясь на институты Гая или институты Юстиниана, и при этом утверждая, что «вне понятия свободы, вообще нет никакого права, и, например, раб может быть только объектом права, но никак не его субъектом» [10].

Но если бы Е.Н. Трубецкой удосужился познакомиться с трудами русского историка С. Ешевского, детально и документально рассмотревшего историю Древнего Рима в период перехода от язычества к христианству, возможно тогда бы он воздержался от столь категоричных заявлений, ибо с конца XIX века было известно из многих работ историков и правоведов, что уже в I веке нашей эры, и особенно во II и III веках, рабы, «в какой-то степени становились подданными не только господ, но и государства, тем более что оно стало принимать жалобы рабов на плохое обращение господ, недостаточное содержание, и если жалоба подтверждалась, рабов принудительно передавали другому господину» [22].

Собственно, вышеозначенный момент – это некоторое отвлечение от темы, но отвлечений от темы нам не избежать, хотя бы потому, что это основной прием софистики Е.Н. Трубецкого, постоянно обращающего внимание на ошибки своих предшественников.

2.2. «Во всяком праве свобода лица, в смысле не стесненной другими лицами возможности осуществлять те или другие цели, составляет настолько существенный признак, что с уничтожением его уничтожается самое право. ... Казалось бы, впрочем, что существуют такие права, которые не только не заключают в себе этого признака свободы, но, напротив того, исключают его, закрепляют состояние несвободы: таково, например, крепостное право. В этом всегда заключалось одно из главных возражений тех юристов и философов, которые отказываются признавать свободу существенным признаком права. Возражением этим, между прочим, воспользовался профессор Петражицкий в своих очерках философии права». Однако при внимательном анализе оно оказывается совершенно неубедительным; на

самом деле крепостное право есть одно из тех кажущихся исключений, которые блистательно подтверждают общее правило: крепостное право действительно отнимает свободу у крепостного, но оно предоставляет свободу господину. Крепостное право есть свобода господина распоряжаться своим крепостным» [18].

Обратите внимание, что в этом абзаце на стр. 19, Евгений Николаевич откровенно противоречит своему же утверждению на стр. 17, где «Свобода лица составляет настолько существенный признак, что с уничтожением его уничтожается самое право». Если выразиться точнее, то Трубецкой в данном фрагменте даже не противоречит, а откровенно лицемерит, потому как осуждая несвободу раба в Древнем Риме и называя его объектом права, он не хочет признавать, что в крепостном праве Российской империи, крепостной – тот же раб, с теми же вытекающими последствиями, т.е., объект, вещь и во многих случаях, фактически приравнивается к домашнему животному (это мое субъективное суждение, основанное на изучении истории Российского государства от Киевской Руси до октябрьского переворота 1917 года).

Случайно ли это лицемерие? Думаю, что нет. Скорее, это мировоззренческая позиция. Если вы внимательно прочитаете главу «Нормальные отношения между правом и нравственностью», то вы не обнаружите в её содержании ключевого термина естественного права, т.е. понятие справедливости там отсутствует и успешно замещается такими понятиями как добро, благо и т.п.

Впрочем, такого рода «ситуативное лицемерие» князя Е.Н. Трубецкого вполне объяснимо: большинство «поклонников» позитивного права (т.е. большинство юристов) крайне редко соглашались с тем, что «справедливость – высшая ценность, защищать и культивировать которую призвана вся система права» [1]. Скорее, они соглашались с максимой Цицерона: «Высшая законность – высшая несправедливость». В качестве любопытного примера – мнение известного социолога права Г.Д. Гурвича, который заявляет, что «всякое право представляет собой более или менее

удачную попытку осуществления справедливости», но вскоре утверждает, что «неправильно отождествлять справедливость и естественное право», потому как «естественное право лишь нравственная критика существующего права» [9].

На мой взгляд, Гурвич в определенной степени унаследовал «логическое» лицемерие в отношении категории справедливости от князя Е.Н. Трубецкого (так Евгений Николаевич любил подписывать свои статьи и монографии).

2.3. Критику господствующих определений права Е.Н. Трубецкой начинает с теории Иеринга: «Иеринг считает совершенно правильным то ходячее определение права, которое гласит: «Право есть совокупность действующих в государстве принудительных норм». Нетрудно убедиться в том, что это определение, как и вообще все те многочисленные в наше время определения, которые исходят из понятия государства, совершает логический круг, определяя право правом, неизвестное неизвестным» [18].

Как часто бывает в практике критицизма Е.Н. Трубецкого, он сводит аргументы и дефиниции своих оппонентов до максимальной редукции и искажения (опять же – это мой сугубо субъективный взгляд – А.В.), утверждая, в данном случае, что Иеринг говорит: «Право есть право» и ничего более. В качестве контраргумента я приведу только одно высказывание Иеринга: «Правосознание, правовые убеждения – всё это научные абстракции, неизвестные народу, - сила же права лежит в чувстве, совершенно так же, как и сила любви; разум и рассуждения не могут заменить недостающее чувство» [11]. Только из этого выражения становится понятно, что Иеринг понимает право гораздо глубже, чем только «совокупность действующих в государстве принудительных норм».

К примеру, С.П. Синха, существенно иначе представляет это определение: «право, по теории Иеринга, является суммой условий социальной жизни в самом широком смысле этого слова, обеспеченной мощью государства с помощью средств внешнего принуждения. Таким

образом, в нем содержатся три главнейших элемента: его зависимость от принуждения, его норма и его цель (или условия общественной жизни). ... Иеринг считает, что осуществление действий закона государством способствует возникновению в индивиду стремления к реализации общего интереса в обществе наряду с его личным интересом. Таким образом, он делает личный интерес частью общественной цели путем соединения личной цели с интересами других» [14]. Поэтому, вернее сказать, что у Иеринга доминирует понимание права как защиты интересов, а не совокупность принудительных норм. О чем сам же Е.Н. Трубецкой сообщает на странице 30, что «учение Иеринга, который определяет право как «защищенный интерес» [18].

2.4. Особенное внимание уделяет Е.Н. Трубецкой учению о праве профессора Л. Петражицкого: «Относительно учения г. Петражицкого следует заметить, как и относительно многих других, что оно не дает точных признаков для отличия права от нравственности. Нельзя не согласиться с г. Петражицким в том, что нормы юридические всегда нормы императивно-атрибутивные, что, предписывая что-либо одну лицу (обязанному), они всегда вместе с тем представляют что-либо другому лицу (управомоченному); не подлежит сомнению, что все юридические нормы действительно устанавливают двустороннюю связь. Но спрашивается: можно ли в этом видеть отличие юридических норм от всяких других и в особенности от нравственных?

На самом деле трудно найти хотя бы одну нравственную норму, которая не была бы «императивно-атрибутивной», которая не закрепляла бы «психически» каких-либо обязанностей одних лиц за другими (за ближними и за Богом для тех, кто в него верит). Высшее выражение нравственности – заповедь любви и милосердия, когда она управляет нашей совестью, несомненно, связывает нашу волю по отношению к ближнему, несомненно, закрепляет за ним целую сложную совокупность наших нравственных обязанностей» [18].

На мой взгляд, в данном случае, Е.Н. Трубецкой кардинально искажает и редуцирует учение Петражицкого, а в качестве опровержения выставляет элемент религиозной проповеди, а вовсе не научной или философской аргументации. Если кратко представить учение Петражицкого, то это может выглядеть следующим образом: «В центре внимания Петражицкого находилась проблема нравственно-психологических оснований правосознания, и в первую очередь вопрос об этических и правовых эмоциях. Для него эмоции – истинные и определяющие «перводвигатели» социально-правового поведения людей. Своеобразие правовых эмоций в том, что они носят императивно-атрибутивный характер и способны побуждать индивидов к законопослушному поведению. Они же служат имманентным психологическим основанием, позволяющим одним субъектам предъявлять юридические требования по отношению к другим лицам и тем самым принуждать их соблюдать правовые нормы, выполнять принятые обязательства, отвечать за свои действия согласно закону (о чем в выше представленном фрагменте умалчивает Е.Н. Трубецкой – А.В.). Петражицкий «предлагает рассматривать психологию мотивов и эмоций как ведущие констатирующие факторы в функционировании интуитивного права. Последнее, согласно Петражицкому, опирается не на внешние нормативные источники, а является результатом внутреннего интуитивного самоопределения личности в сфере правовой реальности» [1].

2.5. «Нравственные предписания объемлют в себе часть права; с другой стороны, предписания правовые заключают в себе часть нравственности; но вместе с тем, существует множество таких нравственных требований, которые не имеют правового значения, и много таких правовых норм, которые вовсе не имеют нравственного содержания, или даже прямо безнравственны» [18].

В данном фрагменте Е.Н. Трубецкой всего лишь повторяет формулы Вл. Соловьева из гл. 2 «Определение права в его связи с нравственностью» [15]. Только формула Вл. Соловьева выходит на уровень прикладной

конкретики, не оставаясь в рамках бесконечных теоретических рассуждений: «Право есть исторически подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально нравственным интересом личной свободы и материально нравственным интересом общего блага... Право и правовое государство заинтересованы ... только в рациональном равновесии этих эмпирически противоположных интересов» [15].

3. Нормативные отношения между правом и нравственностью.

3.1. Рассуждая о взаимоотношении нравственности и эволюции, как частном проявлении, определяющим отношения права и нравственности, Е.Н. Трубецкой делает акцент на следующих ключевых проблемах:

3.1.1. Существует множество юридических норм, прямо противоречащих целям добра, но правовые институты должны служить нравственным целям.

3.1.2. Так или иначе (в преодолении противоречий – А.В.) право должно стать правдою – в этом заключается его жизненная задача.

3.1.3. Изменчивы ли все требования добра вообще или же есть вечный идеал добра, который пребывает незыблемым и неизменным в потоке всеобщего движения?

3.1.4. Эволюционисты не верят в существование каких-либо вечных начал, лежащих в основе нравственности, и видят в нравственных нормах только непрерывно изменяющийся результат развития человека и человеческого общества.

3.1.5. Свойство всех вообще вечных законов, вечных истин таково, что они существуют совершенно независимо от того, признаются или не признаются они человеком.

3.1.6. Вопрос о существовании или несуществовании вечного закона добра все-таки остается открытым.

3.1.7. Законы блага существуют объективно.

3.1.8. Благо человека – не в эгоистическом обособлении, а в солидарности с другими людьми.

3.1.9. Смысл жизни раскрывается в любви и только в ней одной... ибо она приобщает нас к жизни мирового целого, к тому, что существует вечно и не умирает.

3.1.10. Если мы признаем, что добро есть только субъективное понятие, а не живая, реальная сила ... то единственно логичным выводом отсюда будет самоубийство: продолжать жизнь, от которой не ждешь никакого добра и которую совсем не ценишь, очевидно, представляется верхом бессмыслицы.

3.1.11. Вера в объективный закон добра и в его всепобеждающую силу составляет необходимое предположение всей нашей жизни: без него вся наша жизнь превращается в тяжелый бред или бессмысленное прозябание.

3.1.12. Закон добра нисколько не противоречит тому закону мирового развития эволюции, который господствует в строе Вселенной.

3.1.13. Вечный закон добра выражает собой ту цель, которой должна быть подчинена вся наша деятельность; он не включает в себе никаких указаний относительно того, как мы должны осуществлять добро в каждом конкретном случае.

3.1.14. В нравственности необходимо различать два элемента: 1) вечный закон добра, коим должна определяться конечная цель нашей деятельности и 2) ряд конкретных задач-целей подвижных, изменчивых, которые обуславливаются, с одной стороны, вечными требованиями добра, а с другой стороны – меняющимися особенностями той конкретной среды, в которой мы должны осуществлять добро [18].

Еще раз повторяю – все выше перечисленные пп. 3.1.1.-3.1.14 – это не элементы логико-правового характера и не элементы стройной правовой системы. Это перечень проблем морали и нравственности по отношению к правовой реальности. Еще точнее можно сказать, что это религиозно-нравственные постулаты, на которые, по мнению Е.Н. Трубецкого, должна

быть ориентирована вся система правосознания личности, а в конечном итоге – и вся система позитивного права.

3.2. Естественное право.

3.2.1. Г.Г. Бернадский, рассматривая правовые взгляды Е.Н. Трубецкого в контексте естественного права, представляет следующую характеристику:

3.2.1.1. Естественное право для Трубецкого имеет сложное, иерархическое, пирамидальное строение (об этом я уже упоминал ранее, только добавлю, что сам я не нахожу «стройной пирамиды» естественно-правовых построений у Е.Н. Трубецкого, о чем попытаюсь высказать далее по тексту – А.В.).

3.2.1.2. Естественное право, по Трубецкому, это убеждения, что есть добро и нравственность на конкретно-историческом этапе развития человечества (о том, что у Е.Н. Трубецкого весьма неоднозначное отношение к феномену справедливости и, соответственно, к понятию справедливости в системе права и нравственности я уже тоже отмечал ранее, поэтому здесь не соглашусь с Г.Г. Бернадским – А.В.).

3.2.1.3. Естественное право есть основанная на общепринятом идеале добра и справедливости система убеждений о принципах организации общества и государства и месте и роли в них личности (всего выше перечисленного я не нахожу в «Энциклопедии права» Е.Н. Трубецкого: нет общепринятого идеала добра и справедливости, о справедливости Трубецкой предпочитает умалчивать; и главное – нет системы утверждений и роли личности во всем правовом измерении реальности – А.В.).

3.2.1.4. Естественное право играет роль содержания, а позитивное право – формы (Также не нахожу этого диалектического взаимодействия и сильно сомневаюсь, что позитивное право – это форма естественно-правового содержания. Скорее можно сказать, что позитивное право содержит в себе отдельные компоненты естественного права, также как отдельные компоненты нравственного содержания, но полное совпадение

исключено, а формула, что естественное право – содержание, позитивное право – форма просто не выдерживает элементарной логической критики и противоречит здравому смыслу – А.В.).

3.2.1.5. Естественное право как содержание права характеризуется моментами безусловного и условного, абсолютного и относительного (скорее, все перечисленные моменты – это не содержание естественного права, а содержание религиозно-идеалистической философии Е.Н. Трубецкого, на основании которой он выстраивает свою субъективную картину эволюции и взаимоотношения естественного и позитивного права – А.В.).

3.2.1.6. Е.Н. Трубецкой считает, что отвергнув естественное право, мы лишили себя всякого критерия для оценки позитивного права ... если под позитивным правом нет никакого высшего права, то мы должны принять само действующее право за правду, считает Трубецкой (для большинства юристов как в России, так и во всем мире – позитивное действующее право – это и есть высший закон и последняя правда, а существование феномена естественного права признают немногие, в основном – теоретики. Поэтому главный критерий для оценки позитивного права – это совесть, убеждения и степень психологической устойчивости субъекта. Все остальное – это теория, утопия, религия и мифология, а точнее – все многообразие субъективного произвола личности и государственно-правовых структур конкретной системы – А.В.).

3.3. О чем говорит сам Е.Н. Трубецкой по поводу естественного права.

3.3.1. «Установления естественного права – всегда остаются вечны и неизменны» (из институции Юстиниана) [18].

3.3.2. «Естественное право выражает собою лишь идеальный порядок согласования человеческих волей. Такое универсальное согласие возможно только во всемирном царстве, которое объединяет в себе все племена и народы» [18].

3.3.3. «Существует еще право естественное – существует вечная идея права, которая должна лежать в основе всего права положительного» [18].

3.3.4. «Вопрос о естественном праве есть центральный, жизненный вопрос философии права, о котором философы и ученые спорят с самого момента его зарождения» [18].

3.3.5. «С точки зрения естественного права все люди свободны и равны; с точки зрения естественного права не должно существовать различия классов, не должно быть рабов, ни господ: между тем у всех народов существуют различия классов, существует и рабство» [18].

3.3.6. «Естественное право вообще не включает в себе никаких раз и навсегда данных, неизменных юридических норм: оно не есть кодекс вечных заповедей, а совокупность нравственных и вместе с тем правовых требований, различных для каждой нации и эпохи» [18].

3.3.7. Отталкиваясь от максим римских и византийских юристов о вечности установления естественного права, Е.Н. Трубецкой приходит в итоге к версии эволюционирующего естественного права, как совокупности нравственных и правовых требований, соответствующих определенной исторической эпохе. В определенной степени естественное право воспринимается Е.Н. Трубецким как вечная идея права или как идеальная модель всеобщего согласия между племенами и народами, выражающая идеальный порядок.

В то же время, Трубецкой подчеркивает, что такой модели (в нашем современном понимании – А.В.) никогда и ни у кого в истории не существовало, и действующее позитивное право – «для каждого народа и в каждую данную эпоху оно олицетворяет собою особую специфическую задачу, особую совокупность конкретных обязанностей. В этом заключается оправдание права позитивного» [18].

4. Происхождение права.

4.1. Так как в моем субъективном понимании глава «Право в субъективном смысле» представленная в «Энциклопедии права» Е.Н.

Трубецкого в гораздо большей степени относится к сфере теории права, чем к философии естественного права, как впрочем, и заключительная часть главы «Нормальные отношения между правом и нравственностью», поэтому я принял решение ограничиться рассмотрением подглавы «Происхождение права», в которой философско-правовое и историческое содержание является более значимым и определяющим для понимания идей и эволюции естественного права.

4.2. Философско-историческую проблематику происхождения права в «Энциклопедии права» Е.Н. Трубецкой, в основном, сводит к борьбе идей между сторонниками идеализма и историзма.

Ниже по тексту я представляю отдельные фрагменты оценки Трубецким идейных споров о происхождении права в XIX веке.

4.3. «Спор идеализма и историзма выдвинул на первый план вопрос о происхождении права, о том, как оно возникает и складывается исторически. Презрение к исторически сложившемуся составляет характерную черту старого идеализма XVIII века; идеализация существующего, преклонение перед исторически сложившимся, составляет характерное отличие исторической школы, возникшей в начале XIX столетия» [18].

Обращает на себя внимание сознательное избегание в данной подглаве о происхождении права серьезного сравнения идеалистических и исторических концепций права. Причем, одной строкой упоминается идеализм французских теоретиков естественного права с их революционным мирозерцанием и совершенно игнорируются непосредственные предшественники «старой исторической школы», главными представителями которой были Гуго, Савиньи и Пухта. Как последние могли игнорировать идеологические правовые идеи Канта и Гегеля – трудно представить. Получается, что историческая школа опиралась только на идеи французских теоретиков (?!).

4.4. «От того, как мы смотрим на историю права, зависит прежде всего наше отношение к преданиям прошлого и к окружающей нас

действительности, в особенности к действующему праву; от нашего понимания истории зависит всецело, какие требования вообще мы можем предъявлять к праву, как понимаем мы вообще задачу, роль законодателя.

Само собой разумеется, что вопрос о происхождении права в пределах настоящего курса может быть представлен только в самом общем виде; мы, очевидно, не можем и не должны исследовать здесь возникновение и развитие тех или других конкретных институтов или норм права, так как это составляет задачу не энциклопедии, а всеобщей истории права: в энциклопедии нас должен интересовать только вопрос о том, как вообще возникает право, каковы вообще причины, силы, которые производят право» [эн пр].

Критикуя теории представителей исторической школы, Е.Н. Трубецкой утверждает, что они стали в отрицательное отношение к идее естественного права, в результате чего историческая школа утратила веру в свободное творчество личности, в её способность пересоздать существующее: «с точки зрения исторической школы, человек – не творец, а орудие исторического процесса» [18].

Отчасти можно согласиться с критикой Е.Н. Трубецкого, но тот же Савиньи переносит творческий потенциал с отдельного человека на народ, нацию (*Volksgeist*), но не упраздняет фактор свободного творчества личности полностью. А в итоге мы имели и имеем ситуацию, когда человек и творец, и орудие исторического процесса, и, вполне вероятно, орудие неведомых нам космических процессов и иных неучтенных наукой факторов (как, например, пассионарность Л.Н. Гумилева – А.В.).

Так что вполне можно перефразировать идею Савиньи о том, что «юристы – не творцы права, а только выразители национального сознания» в формулу «юристы не творцы права, а только выразители (оформители) политической конъюнктуры и интересов властвующих структур» (А.В.).

4.5. «Если бы эволюция права была развитием прирожденных народному духу начал, то невозможны были бы заимствования правовых

утверждений одним народом у другого... творческая деятельность человеческой личности в истории права играет огромную роль» [18].

Во-первых, заимствования такие возможны потому, что право, как и язык, всегда что-то заимствует у соседей, имеющих иные обычаи, иное право, иной язык. Различие – в степени взаимовлияния и культурного обмена.

Во-вторых, у Трубецкого явный крен в огромную роль личности в истории, как у К.Маркса и В.Ленина (что наиболее вероятно, заимствовано от Г.Гегеля, в которого однажды вселился «абсолютный дух»). Неудивительно это еще и потому, что Е.Н. Трубецкой (не признаваясь широкой публике) считал себя медиумом, через которого Абсолютное и Безусловное показывало путь всем народам к настоящей истине, которую Е.Н. Трубецкой получал путем откровения от Абсолютной истины (подробнее – [7]).

Естественно, что я немного утрирую, но если вы имеете возможность глубже погрузиться в смыслы «Метафизических предположений сознания», основное и завершенное философское произведение Е.Н. Трубецкого, вы сможете убедиться, что моя гипотеза имеет вполне реальные основания.

4.6. «Если неизменный, роковой закон развития исключает какое бы то ни было участие личного творчества в созидании права, то предъявлять к праву нравственные, или, что то же, естественно-правовые требования, так же нелепо, как желать изменения законов развития мира растительного или животного» [18].

Е.Н. Трубецкой – замечательный стилист, а иногда и романтик, использующий яркие метафоры, гиперболы, метонимии. О неизменном и роковом законе, как правило, мы узнаем задним числом, когда все возможности каких-либо изменений становятся только фантастическим домыслом (например, вернуться в VI век и внести свои поправки в кодекс Юстиниана). Нравственные и естественно-правовые требования мы можем всегда, как и с молитвами обращаться к господу Богу – но вероятность быть

услышанным, и в первом, и во втором случае – имеет жалкие доли процента (простой пример: разве не взывал Е.Н. Трубецкой в 1918-1919 гг. небесной кары на власть большевиков? Увы, у истории оказался иной резон).

Просто есть эпохи, когда можно творить или быть услышанным, а есть времена, когда ни того, ни другого быть не может. Вероятно, смысл в том, чтобы понять в какую эпоху, или в какие времена, и на какой орбите оказался твой творческий дух (это всего лишь мое, сугубо субъективное понимание «смысла жизни» - А.В.).

5. Заключительные замечания.

5.1. Без всякого сомнения – творчество Евгения Николаевича Трубецкого – яркая страница русской истории. Наиболее значительный объем и потенциал – в сфере религиозной философии. Как философа естественного права, по моему субъективному мнению, его нельзя ставить выше Б.Н. Чичерина, Вл. Соловьева и Л.Петражицкого, которых он изрядно интерпретирует, поправляет или даже сильно критикует (как Л. Петражицкого).

Как собственно философа (онтолога и гносеолога) его вряд ли можно оценить выше, чем других известных русских религиозных философов и моралистов. Но как православный богослов – Е.Н. Трубецкой – один из лучших.

Критика чистого разума у Е.Н. Трубецкого, осуществляемая с позиций почти мистического безусловного и абсолютного – весьма субъективна и неубедительна, как и критика психологизма и антропологизма.

5.2. Формулы Е.Н. Трубецкого типа «Я есть в действительности лишь при том условии, если я осознан в Абсолютном как сущий – Истина заключается ... в самом безусловном сознании. В его абсолютном синтезе как целом. Любое частное содержание, взятое вне этого синтеза – тем самым превращается в ложь. И наоборот, всякая ложь в нем осознается, в его абсолютном синтезе снимается как ложь: ибо безусловное сознание о лжи есть истина» [16], на мой взгляд пронизаны мистикой и софизмом, в результате чего не убеждают объективным научным содержанием. Это во многом напоминает мистико-религиозный субъективный идеализм Г.Гегеля. Объективность здесь может быть обретаема в

случае полного отрицания современной философии и естествознания, признающими мир объективной реальностью.

5.3. Возможно, что в силу существенного расхождения моего мировоззрения [4, 5, 6] с мировоззрением Е.Н. Трубецкого, мне не удалось глубоко и содержательно проникнуть в сущность его философского и правового творчества, и поэтому он оказался для меня более далеким и малодоступным чем Б.Г. Чичерин, Вл. Соловьев, Л. Петражицкий, Н.Бердяев и И.Ильин. Безусловное и абсолютное, в моем понимании, не есть свобода. И как свобода реализуется в правовых и философских взглядах Е.Н. Трубецкого – для меня осталось загадкой. Чем-то его безусловное и абсолютное напоминает Единое Плотина...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. - СПб.: Издательство «Лань». 2000. 400 с.
2. Бернадский Г.Г. Евгений Николаевич Трубецкой. В кн. Энциклопедия права / Трубецкой Е.Н.. СПб.: Лань, 1998. С. 3-12.
3. Васильев Б.В. [Философия права Е.Н. Трубецкого](#) / Б.В. Васильев // Теория и практика инновационных технологий в АПК: Материалы национальной научно-практической конференции (Воронеж, 01 апреля – 31 мая 2024 года). – Воронеж: ВГАУ. 2024. С. 37-42.
4. Винобер А.В. [Философия естественного права. Очерк первый. Прологомены](#) / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2025. 1 (78). С. 5-40.
5. Винобер А.В. [Философия естественного права. Очерк второй.](#) «Философия права» Г.В.Ф. Гегеля / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2025. 2(79). С. 5-48.
6. Винобер А.В. Философия естественного права. Очерк третий. «Философия права» Б.Н. Чичерина / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2025 3 (80). С. 5-34.
7. Винобер А.В. 12 мгновений абсолютного (философско-антропологический трактат) / А.В. Винобер // Необитаемый остров : литературно-художественный и философско-исторический электронный журнал. 2025. 4 (16). С. 22-51.
8. Гараева Г.Ф. [Особенности методологического плюрализма философии права Е.Н. Трубецкого](#) / Г.Ф. Гараева // [Теория и практика общественного развития](#). 2019. № 12 (142). С. 78-81.
9. Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. Пер. с фр. Составитель и автор вступ. статьи М.В. Антонов. — СПб.: Издательский Дом С.-Петербургского гос. ун-та, 2004. — 848 с.
10. Евлампиев И.И. Философские и правовые воззрения Евгения Трубецкого. В кн. Труды по философии права / Трубецкой Е.Н.. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 2001. С. 5-38.

11. Иеринг Р. Борьба за право. Пер. Ершова С.И. - М.: Изд. Прокоповича М.Н., 1907. 87 с.
 12. Кашапов У.А. [Антропологические основания философии права Е.Н. Трубецкого](#) / У.А. Кашапов // [Философия права](#). 2003. № 1 (7). С. 11-14.
 13. Миненков Г.Я. Трубецкой Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 731-732
 14. Синха С. П. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс / Пер. с англ. – М.: Издательский центр «Академия», 1996. 304 с.
 15. Соловьев В. С. Право и нравственность. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. — 147 с.
 16. Трубецкой Е.Н. Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства / Кн. Евгений Трубецкой. — Москва : Путь, 1917. 335 с.
 17. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 2001. 543 с.
 18. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998. — 224 с.
 19. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М.: Республика. 1994. 432 с.
 20. Трубецкой Евгений Николаевич // Философский энциклопедический словарь. Сост. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. - М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 666.
 21. Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб.: Наука. 1998. 656 с.
 22. Штаерман Е.М. Римское право. В кн. Культура Древнего Рима. в 2-х т. Т. I. – М.: Наука. 1985. С. 210-247.
-

A.V.Vinober
Irkutsk, Russia

**PHILOSOPHY OF NATURAL LAW. THE FOURTH ESSAY.
E.N. TRUBETSKOY – ENCYCLOPEDIA OF LAW AND METAPHYSICS OF
THE ABSOLUTE**

The purpose of this essay is not to claim another dubious objectivity in describing the work of an outstanding author, but only to express the experience of subjective cognition. The author conducts a critical analysis of the Encyclopedia of Law by E.N. Trubetskoy, who performs on the basis of fragmentary random samples, depending on his own subjective preferences, because to carry out a complete detailed critical analysis of such a voluminous and terminologically intensive work is a task feasible for an entire team of authors or a task for the long-term efforts of one author (if artificial intelligence is not involved in this task). As a philosopher of natural law, according to the author, one cannot be placed above B.N. Chicherin, V.I. Solovyov and L. Petrazhitsky, whom he interprets, corrects or even strongly criticizes (like L. Petrazhitsky). As a philosopher (ontologist and epistemologist), E.N. Trubetskoy can hardly be rated higher than a religious philosopher and moralist. As an Orthodox theologian, E.N. Trubetskoy is one of the best.

Keywords: philosophy of natural law, Evgeny Nikolaevich Trubetskoy, encyclopedia of law, metaphysics of the absolute, historical school

Поступила в редакцию 30 июня 2026

*А.В. Винобер
Иркутск, Россия*

ИНСТАНЦИЯ БУКВЫ В БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ И ГЕРМЕНЕВТИКА ПСИХИЧЕСКОГО (МЕТАФИЗИКА ПСИХОЛОГИИ). ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

На границе сознательного и бессознательного, естественного и искусственного, человеческого и постчеловеческого, вопросы метафизики психологии приобретают особую актуальность и злободневность. Быть или не быть? Это уже не частное, а всеобщее или всечеловеческое или всеединое. Оттого, насколько элита мирового истеблишмента сумеет это осознать – зависит судьба земной человеческой цивилизации. Очерк первый настоящего цикла, выражает субъективную точку зрения автора на отдельные аспекты психоанализа и герменевтики психического.

Ключевые слова: психоанализ, бессознательное, герменевтика, метафизика психологии, Жак Лакан, искусственный интеллект

1. Вместо введения

1.1. «Проблема смысла... - это последнее аналитическое понятие, включающее общее учение о психике, также как понятие личности венчает всю систему психологии» А.Н. Леонтьев [24 цит. по 37].

1.1.1. Проблема смысла, на мой субъективный взгляд, одна из центральных проблем метафизики психологии. Понятие личности – главная опора субъективной реальности сознания, определяющая весь смысл жизненной траектории бытия субъекта. По-существу, в этом высказывании А.Н. Леонтьева выражена основная идея психического человеческого или ядро метафизики современной психологии.

В отношении смысла, как в науке, так и в философии, существуют очень несовпадающие между собой концепции и теории понимания. Иногда смысл сводят к традиционной логике, либо к семиотике. Часто его пытаются объяснить в сочетании «смысл и значение».

Отталкиваясь от элементарного определения: «Смысл – сущность, содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом» [35], где мы сразу наталкиваемся на ограничение смысла разумом, что является и редукцией и предельной рационализацией, ведущей к полной формализации понятия и его содержания, мы переходим к более сложным определениям: «Смысл и

значение – понятия, задающие разные формы осуществления основной языковой связи «знак – означаемое» в процессах понимания и в системе языка. ... Смыслы в отличие от значений всегда ситуативны, связаны с феноменальным процессом понимания, поэтому помимо нормативного содержания значения, они определяются множеством иных факторов: ситуацией, с которой связано понимание, самоопределением человека, его установками, ценностями и целями, знаниями, структурами деятельности и многим другим» [3].

В философии постмодерна любой смысл легко и изящно может быть переведен в бессмыслицу, означаемую истинным смыслом, утверждающим симулятивное значение.

Технологии искусственного интеллекта реализуют колоссальный потенциал трансформации и искажения многих традиционных гуманитарных смыслов, ориентированных в итоге на полное упразднение понятия личности, как малозначимой и несущественной для развития разума и рациональности.

1.2. «Общее устройство мира детерминирует в конечном счете всё в человеке. Не человек проецируется на мир, а мир отражается в человеке» Н.Гартман [цит. по 18].

1.2.1. Выше процитированное утверждение Николая Гартмана видится мной как основная формула определения современной реальности, ориентированной на грядущую аннигиляцию всего личного и субъективного в человеке, ставшем полным заложником искусственного и рационального.

1.3. «Дуализм языка и жизни не есть что-то специфически человеческое, а есть что-то сугубо объективно фактическое, которое ждет своего понимания, а не освоения как нового, неосвоенного инструмента или продукта человеческой деятельности» М.Мамардашвили, А.Пятигорский [30].

1.3.1. Дуализм языка и жизни может означать в настоящее время (2026 г.), что человеческая цивилизация устремилась в язык, как в высший смысл и

в высшую цель развития разума, не замечая того, что в итоге она жертвует жизнью во имя неизвестного и безразличного к земной жизни абстрактного разума.

1.4. «Всякая научная дискуссия о высших признаках появления рефлексии на Земле ныне стала невозможной, ибо здесь мы стоим перед проблемой одного из тех бесконечно малых эволюционных начал, которые автоматически и бесповоротно закрыты для нас достаточной толщей прошлого» Т.де Шарден [43].

1.4.1. Появление рефлексии на Земле – вовсе не бесконечно малое эволюционное начало, а решающий фактор развития земного разума. Современными научными исследованиями он вполне поддается адекватной реконструкции и интерпретации.

1.5. «Проблема поставленная вообще – это как вопрос, на разу не заданный по-настоящему... Каждый вопрос получает свой смысл от способа мотивации» Г.Г. Гадамер [13].

1.5.1. Способ мотивации – это самый загадочный элемент в данном высказывании Георга Гадамера. Скорее, вопрос получает свой смысл в результате не способа, а глубины мотивационной установки, от степени её долгодействия и осмысленной целеустремленности.

1.6. «Мысли каждого из нас принадлежат только нам самим; наши понятия мы разделяем с другими людьми» С.Тулмин [38].

1.6.1. Увы... Времена, когда наши мысли принадлежат нам самим уже прошли. И мысли наши, и наши понятия – это уже отчужденное от нас содержание искусственного интеллекта, пока еще локального, но очень скоро – всеобщего искусственного суперинтеллекта.

1.7. «Теоретически весьма вероятно создание технологии физического и семиотического воздействия на человека, косвенного скрытого сбора информации, а также манипулирования как отдельным человеком, так и группой людей с помощью знаковых систем» В.П. Самохвалов [33].

1.7.1. Такие технологии давно уже существуют и успешно применяются, с каждым днем все больше захватывая наше жизненное пространство.

1.8. «Уже в том, что посредством переописания мира, т.е., изменения языковой игры, истина превращается в заблуждение, а то, что считалось плохим может оказаться хорошим, и наоборот. При этом процесс смены лингвистических практик все ускоряется» Б.В. Марков [27].

1.8.1. Действительно, что вчера казалось глупой теорией постмодерна – сегодня стало нашей повседневной реальностью. Правда легко преобразуется в ложь, а ложь с еще большей степенью становится правдой. За всем за этим стоит наука и человеческая алчность, жажда к власти и к бесконечному потреблению.

1.9. «Любая самопоглощающая система, втянутая в тотальный сговор с самой собой, так что знаки в ней утрачивают всякий смысл, как раз по этой причине воздействует с редкостной завораживающей силой. Системы завораживают своим эзотеризмом, предохраняющим их от внешних логик. Когда самодостаточное и самоуничтожающееся нечто всасывает в себя все реальное – это завораживает» Ж.Бодриар [5].

1.9.1. Логика абсурда и постмодерна устремлена к полному овладению миром человеческого бытия.

2. Мифология психоанализа.

2.1. Критике фрейдизма и экзистенциальной философии посвящены, вероятно, сотни, а может, и тысячи научных и околонаучных публикаций. Поэтому я не буду пытаться выглядеть здесь оригиналом или первопроходцем, но попытаюсь кратко выразить свое субъективное видение.

2.2. Психоанализ З.Фрейда – уникальный феномен социальной и биологической жизни цивилизованного общества XX века, переживавший в век XXI и продолжающий свою экспансию в мировом социуме.

2.3. Подобного рода мистифицирование и мифологизирование теоретического творчества отдельного человека, заявляющего себя ученым-

исследователем – мировая человеческая история не знала не до, не после З.Фрейда. С мифом фрейдовского психоанализа может только конкурировать миф универсального ученого физика (математика, философа, психолога и т.д.) Альберта Эйнштейна. Оба мифа имеют отдельные схожие черты, но миф Фрейда более реалистичный (З.Фрейд действительно творил сам, хотя о многих заимствованиях скромно умалчивал) и более действенный в жизни многих тысяч и, возможно, миллионов людей в разных странах мира.

2.4. Ниже я привожу отдельные фрагменты оценки психоанализа, высказанные советским российским философом А.М. Руткевичем.

2.4.1. «Фрейд отталкивался от естествознания XIX в., был воспитан в физиологической лаборатории».

2.4.2. «Значение неразрывно связано со знаками, они не зависят от индивидуального опыта. Знаки у Фрейда имеют заранее установленное значение. У Юнга символы многозначны (через конечное передается бесконечность смысла). ... Бессознательное говорит языком символов – хочет донести до сознания нечто запретное. Символический язык является подлинным языком нашей души».

2.4.3. «Психоанализ является наукой, а не мировоззрением. Целительством, но это наука особого рода, она работает на уровне смысловых, а не каузальных связей».

2.4.4. «Психоанализ мог бы играть свою роль эффективной психотерапии, то есть, выполнять свою главную функцию, не претендуя на роль строгой науки, ни на роль оригинальной философской антропологии» [32].

2.4.5. «Психоанализ является частью науки и может примкнуть к её мировоззрению».

2.4.6. «Как специальная наука, как отрасль психологии – глубинной психологии, или психологии бессознательного – он совершенно не способен выработать собственное мировоззрение».

2.4.7. «К.Ясперс в «Общей патологии» указывал на фантастичность многих обобщений (в психоанализе Фрейда)».

2.4.8. «Развитие естествознания опровергло целый ряд фундаментальных положений Фрейда, но отказ (для современных психоаналитиков) от этих положений потребовал бы пересмотра практически всех разделов психоаналитической теории».

2.4.9. «Все естественно-научные опровержения психоанализа отпадают вместе с признанием его в качестве герменевтической науки (психоаналитики следуют либо за Дильтеем, либо за Гуссерлем и Хайдеггером)» [31].

2.5. Ниже я привожу свои субъективные замечания по поводу фрагментов из А.М. Руткевича.

2.5.1. О том, что З.Фрейд отталкивался от естествознания XIX века и был воспитан в физиологической лаборатории (п.2.4.1) – здесь очень большие сомнения в правдивости этого утверждения. Естествознание XIX века отразилось в учении З.Фрейда в минимальной степени, а физиологическая лаборатория была подавлена полетом психиатрической, а в последствии – психоаналитической фантазии, привлечением религиозных и историко-мифологических мотивов.

2.5.2. Значение и знаки фрейдовского символизма рождались из индивидуального опыта и превращались в догматическую типизацию символов, отрицающих индивидуальный опыт (во всем бесконечном многообразии) всех других субъектов (пациентов). Фрейд находил в других по-преимуществу то, что исходило из его индивидуального опыта.

Многозначность символизма Юнга предполагала большую степень свободы интерпретации символического, абстрактного и трансцендентно-неуловимого. Говорит ли бессознательное языком символов – вопрос неоднозначный, потому как в значительной степени бессознательное может проявляться посредством автоматических алгоритмов, отражающих психофизиологические реакции организма; вполне вероятно, что

символическое не принимает участия в отражательном процессе, либо имеет косвенное влияние. Является ли язык символов подлинным языком нашей души – весьма неоднозначный вопрос, требующий серьезных когнитивных и герменевтических исследований.

2.5.3. Я сильно сомневаюсь, что психоанализ можно считать наукой в общепринятом смысле. Скорее, это технология психотерапии, маскирующаяся мифом научности, или синтез философско-психологической спекуляции, ориентированной на самовыражение и самореализацию субъективности каждого отдельного психоаналитика.

2.5.4. Психоанализ действительно играет свою роль эффективной психотерапии, и эта эффективность на 95% зависит от подлинности врачебной ориентации практикующего психоаналитика.

Строгой наукой психоанализ в принципе не может быть потому, что это – технология и искусство, плюс обилие субъективных интерпретаций, практически не устранимое.

2.5.5. При доминирующей теоретической ориентации психоанализ больше тяготеет к философии и мифологии, чем к естественнонаучным дисциплинам. Но иногда, в разной степени успешности, имитирует несуществующую близость с естественной наукой и гуманитарными научными направлениями (как, например, микропсихоанализ С.Фанти [40]).

2.5.6. Как специальная наука, психоанализ способен выработать собственное мировоззрение (мнение А.М. Руткевича в данном случае обусловлено влиянием марксистско-ленинской диалектики – так мне увиделось – А.В.).

Весь вопрос в том, что каждый психоаналитик, имеющий теоретические интересы, почти всегда пытается создать собственное мировоззрение и собственную мифологию.

2.5.7. Фантастичность многих обобщений, отмеченных К.Ясперсом в психоанализе Фрейда – вполне обычное явление для многих психоаналитиков. Психоанализ не может полноценно реализовать свой

потенциал, не создавая собственной субъективной мифологии, в которой всегда можно обнаружить элементы фантастического, иррационального, а нередко и мистического содержания.

2.5.8. По большому счету, при полноценной научной критике, в теории Фрейда неопровержимыми остаются не более 15-20% его фундаментальных положений. Всё остальное – ретроспективные реконструкции, фантазии, мифологические сюжеты и подражание историческим научным (и, разумеется, психологическим) интерпретациям.

2.5.9. В случае признания психоанализа в качестве герменевтической науки, большая часть естественно научных опровержений остается в силе. Ибо герменевтика, придерживающаяся научной ориентации, это вовсе не вольная интерпретация своего субъективного опыта, и, тем более, не мифологический полет фантазии. Следовать за Дильтеем и Гуссерлем, либо Хайдеггером – это очень разные пути герменевтики. М. Хайдеггер не меньший фантазер и мифолог, чем З.Фрейд.

2.6. На мой взгляд, весьма интересную трактовку «фрейдолаканизма» дает Ф.Гаттари (Гваттари) в статье «Язык, сознание и общество (о производстве субъективности)» [15]: «Фрейдовские открытия, которые я предпочитаю квалифицировать как изобретение, вымысел, обогатили нас углами зрения, под которыми можно сегодня подступиться к душе. Так что отнюдь не в уничижительном смысле говорю я здесь о вымысле! Как новую формулу субъективации изобрели христиане или куртуазное рыцарство, или романтизм, или большевизм, точно также новый способ чувствовать, жить, производить истерию, детский невроз, психоз, семейную конфликтность, новое прочтение мифов и т.д. породили разнородные фрейдистские секты. Фрейдовское бессознательное само эволюционировало в ходе своей истории, оно утратило быющее ключом богатство и беспокойный атеизм своих истоков и сконцентрировалось на анализе «Я», адаптации общества и в своих структуралистских версиях на соответствии порядку означающих.

В перспективе перевода гуманитарных и социальных наук от парадигм сциентистских к парадигмам этико-эстетическим – а моя перспектива как раз такова – вопрос уже не в том, чтобы знать, доставляет ли фрейдовское или лакановское бессознательное научный ответ на проблемы души. Эти модели будут теперь рассматриваться среди других, лишь в порядке производства субъективности, неотделимые от технических и институциональных мероприятий их запускающих, и от их отдачи в психиатрии, в университетском обучении, в масс-медиа. ... Более общим образом надо будет признать, что каждый индивидуум, каждая социальная группа привносит свою собственную систему моделирования бессознательной субъективности, т.е. некоторую картографию, симптомологическую, построенную на основе познавательных, но так же и мифических, ритуальных реперов, исходя из которой и располагает себя по отношению к своим аффектам, тревогам, пытаясь управлять своими импульсами и торможениями любого рода.

Тем самым сегодняшний наш вопрос ставится не только спекулятивно, но и весьма практически: подходят ли модели бессознательного, предлагаемые нам на «рынке» психоанализа к действительным условиям производства субъективности? Не нужно ли их трансформировать, изобрести новые?».

2.6.1. В принципе соглашаясь с оценкой Ф.Гаттари, я не приемлю вариант безразличия (нейтральности) к проблеме «доставляет ли фрейдовское и лакановское бессознательное научный ответ на проблемы души». Я полагаю, это главный критерий для оценки практического значения психоанализа.

Если нет научного ответа на проблемы души, то тогда можно считать психоанализ псевдонаучной мистификацией.

Кроме того, я никогда не поставил бы на один уровень фрейдовский психоанализ и лакановский психоанализ. Несмотря на все усилия Ж.Лакана казаться единственным подлинным знатоком психоанализа Фрейда, он

создал совершенно иную, чисто теоретическую лакановскую версию интерпретации психоанализа З.Фрейда, научное, а тем более, практическое значение которой намного меньше учения и технологии психоанализа Фрейда.

Вопрос о том, подходят ли «модели бессознательного, предлагаемые нам на «рынке» психоанализа к действительным условиям производства субъективности? Не нужно ли их трансформировать, изобрести новые?» - действительно имеет (пока) непроходящее значение в нашей современной действительности.

3. Инстанция буквы в бессознательном.

3.1. Настоящая глава посвящена фрагментарному герменевтическому микропсихоанализу работы Ж.Лакана «Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда».

3.1.1. Жак Лакан (1901-1981) – французский теоретик и практик так называемого структурного психоанализа. Основатель «парижской школы фрейдизма», провозгласившей своей целью «Возврат к Фрейду». Как отмечает исследователь творчества Ж.Лакана Н.С. Автономова, Лакан обосновывает «символическую опосредованность любых проявлений человеческой психики и прежде всего – бессознательного психического, их закономерно упорядоченный характер Лакан выражает формулой: «бессознательное структурировано как язык» [2].

3.1.2. В словаре «Современной западной философии» [1] Н.С. Автономова делает акцент на некоторых других аспектах текстов Ж.Лакана:

а) Бессознательное – это речь «Другого». Чистое доязыковое бессознательное нам не дано;

б) «Символическое» у Лакана – это структурирующая сила, господствующая и над «реальным» и над «воображаемым»;

в) «Означающее» - материальные формы языка – безусловно главенствует над «означаемым», т.е. над смыслами или референтами. Цепочки «означающих» очерчивают человеческую судьбу;

г) Нетождественность мысли и существования, их опосредованность языком. Лакан отвергал как интуицию, которая носит подязыковый характер, так и имеющие доязыковую природу инстинкты. Бессознательное, по Лакану, вписано в культуру и до известной степени рационализировано;

д) На всё творчество Лакана оказывала свое воздействие «неразрешимость» его основной задачи – помыслить бессознательное как язык;

е) Усложненные, «сюрреалистические» обороты, характерные для стиля работ Лакана, перенасыщенных каламбурами, игрой слов – оказались более адекватными объекту исследования (бессознательное – как язык);

ж) Лакан не только подражал работе «языкового» бессознательного, но и выносил на общее обозрение важный слой мыслительной работы, труднодостижимый уровень функционирования человеческой психики. Полученный результат нельзя было назвать строго «научным», что понимал и сам Лакан;

з) Лакан считал, что «структурный психоанализ» нельзя назвать лечением в прямом смысле слова, так как не выздоровление, не избавление от страданий (ибо они неотъемлемы от человеческой жизни), но лишь языковая проработка словесных дискурсивных обнаружений человеческой судьбы может быть его целью.

3.1.3. Несколько иную характеристику текстов Лакана представляет А.А. Горных:

а) Символическое включает в себе порядок культуры, который для Лакана практически совпадает с языком, остальные социальные кодификации – нормы, запреты, установления, по сути выносятся за рамки анализа;

б) Язык – ключевое понятие концепции Лакана, он не тождественен естественному языку, ни фрейдовскому символическому языку снов, его символичность вообще не является выражением какого-либо иносказательного смысла в противоположность буквальному;

в) Бессознательное, по Лакану, представляет собой формальный аналог, «слепок» смещений, разрывов и напластований в «цепях означающих»;

г) Терапевтический диалог врача-пациента – это введение средствами риторики и поэтики (метафорической и метонимической нормами организации означающих) индивида в «язык его желания», обнаруживающий симптомы патологии и, благодаря структурному соответствию, согласование этого «языка» с речью Другого;

д) Такая практика, по мнению критиков Лакана, не может считаться собственно терапевтической. Как на ограниченность лакановского понимания психики человека указывают также на сведение многообразных её проявлений к языку, трактуемому в свою очередь односторонне формалистично» [16].

3.2. Моё первое знакомство с текстами и творчеством Жака Лакана произошло в конце 90-х годов XX века (1997-1999). Работу Лакана «Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда» впервые прочел в 2007 году, т.е. спустя полвека после её появления во Франции. Второе прочтение – июнь 2026 года. Главной причиной возвращения к тексту «Инстанции буквы...» послужило знакомство с книгой Ж.Лакана «Семинары. Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54)», изданной в России в 1998 году, но каким-то странным образом прошедшей мимо меня в годы первого знакомства с творчеством Ж.Лакана в конце 90-х годов. После прочтения «Работ Фрейда по технике психоанализа» в феврале-марте 2026 года, «Инстанция буквы...» снова привлекла мой интерес своей экзотической нетривиальностью и мне увиделись в ней новые смыслы и новые грани контекста. Это новое прочтение вызвало желание выразить некоторые моменты моего субъективного восприятия в виде небольшого очерка (по свежим следам). Что я и попытаюсь осуществить в настоящее время (с 1 по 25 июня 2026 г.).

3.3. Буквально несколько слов о книге Ж.Лакана «Семинары. Кн. I. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54)», перевод с французского М.Титовой и А.Черноглазова, вышедшей в 1998 году [22]. Как уже говорил, эта книга позволила мне по-новому увидеть «Инстанцию буквы в бессознательном».

В «Семинарах...» Ж.Лакан позиционирует себя самым тонким знатоком оригинальных текстов З.Фрейда (на немецком языке), вырывая из общего контекста то или иное слово, и сравнивая его с французским или английским переводом, Ж.Лакан утверждает, что именно он добился истинного понимания смысла и значения употребляемого З.Фрейдом слова или выражения. Возможно, что это производило серьезное впечатление на слушателей его семинаров. Но в моем сугубо субъективном восприятии получилась совсем иная картина. Многие моменты в вышеназванных «Семинарах...» увиделись мне большими «мыльными пузырями» как в случае, например, когда Ж.Лакан рассматривает в гл. X «Два нарциссизма» (понятие влечения, воображаемого у животных и у человека, сексуальное поведение по-своему склонно обманываться).

Я, естественно, не такой тонкий знаток текстов, как Ж.Лакан (тем более, на немецком языке). Но я увлекался текстами З.Фрейда с 1989 по 2001 (в течение 12 лет) довольно серьезно, и потому нахожу стиль Лакана, построенный на вырванных из контекста терминах и выражениях при почти полном абстрагировании от самого смысла текста), довольно экзотичным и сомнительным, похожим на манипуляцию терминами и именем З.Фрейда во имя собственных субъективных устремлений творческого самовыражения Ж.Лакана.

3.4. Основываясь на технологии метода фрагментарного герменевтического микропсихоанализа [10, 11, 12], попробую в первом приближении выразить свое восприятие и понимание текста «Инстанция буквы в бессознательном...» Ж.Лакана.

3.4.1. Во-первых, на мой субъективный взгляд, следует обратить внимание на неоднозначный смысл названия текста Лакана. Если переводить однозначно это выражение на русский язык «как инстанция буквы», то смысл основной окажется звучащим как «место буквы в системе бессознательного». Я, конечно, дилетант во французском языке, но слово *letter* (если судить по словарю [41]) имеет шесть основных значений: 1) буква; 2) буква; буквальное значение слов; буквальный смысл; 3) письмо; послание; записка; писулька; записочка; обычное письмо; 4) грамота; диплом; 5) художественная корректура; словесность; 6) гуманитарные науки.

«Инстанция», по меньшей мере, два основных смысла: 1) место в системе; 2) часть как целое.

Мне думается, что большой любитель поэтической и философской импровизации Жак Лакан, изрядно «попотел» над своим названием и, тем более, над текстом. Конечно, я вовсе не исключаю, что название пришло к Лакану в одно мгновение, как нередко бывает у поэтов, но сам текст, без сомнения, был подвергнут неоднократной обработке автором. Это особенно бросается в глаза после прочтения импровизаций Лакана на его знаменитых семинарах [22]. Там текст речевой импровизации блещет только отдельными яркими метафорами, а в целом производит довольно тяжелое прозаическое впечатление, чем искрящийся многозначными метафорами, метонимиями текст «Инстанции буквы...». Более того, я нахожу в нем явные следы влияния таких же многозначных философско-поэтических импровизаций Мартина Хайдеггера, чего обычно не находят исследователи, переводчики и интерпретаторы Ж.Лакана (может быть, за редким исключением, Т.В. Васильева «Стихослагающая герменевтика М.Хайдеггера» в какой-то степени близка моему пониманию [8]).

Как обычно не находят влияния «Инстанции буквы...» Лакана на Деррида, хотя я считаю такое влияние сильным и несомненным. «Грамматика» Деррида, с огромной вероятностью (на мой субъективный взгляд) произрастает из «Инстанции буквы...» Лакана.

3.4.2. В начале текста Лакан вежливо предупреждает, что работа («Инстанция буквы...») – «её постоянное место находится между письменной и устной речью – где-то на полдороге», хотя, «в данном случае перед нами вовсе не письмо» [21]. Этот прием «да – но нет» и «нет – но да» неоднократно, напрямую и косвенно, пронизывает весь текст «Инстанции...». Да и в целом можно сказать, что это классический прием французской философии XX века, заимствованный из элитных салонов «изящной словесности» XVIII и XIX вв., т.е. весьма древняя историческая французская традиция.

Далее Ж.Лакан витиевато обосновывает свое появление с докладом по приглашению философского кружка федерации студентов-словесников, и что литературное сообщество встретит его учение с интересом, потому как название доклада посвящено литере, букве, при этом воспроизводя свой миф, что Фрейд до последних своих дней, настаивал на первоочередной важности именно этой квалификации (?) для формирования аналитиков (в данном моменте, смысл ссылки не совсем понятен и вовсе неоднозначен).

Далее Лакан также неявно выражается о том, кому он предназначает свою речь – этот фрагмент я привожу целиком: «... К этим последним относятся все те, кто, какие бы цели в психоанализе они не преследовали, примиряются с тем, что их дисциплина начинает ставить себе в заслугу ту или иную ложную идентификацию. Это грех обычный, и его воздействие на умы таково, что даже правильная идентификация рискует показаться лишь одним из многих алиби, чья утонченная двусмысленность не укроется, мы надеемся, от умов наиболее пронизательных» [21].

Думаю, что этот посыл адресован вовсе не широкой аудитории, а непосредственно оппонентам Жака Лакана и его близки последователям, что, в принципе, подтверждается последующим выражением: «И как вообще может современный психоаналитик не почувствовать всей важности соприкосновения с речью – речью, которая задает его опыту и

инструментарий, и границы, и даже гул окружающей его неизвестности» [21].

3.4.3. I. Смысл буквы

«Наш заголовок дает понять, что по ту сторону речи, в бессознательном, психоаналитический опыт обнаруживает цельную языковую структуру. Предупреждая тем самым, что представление о бессознательном как некоем седалище инстинктов придется, возможно, пересмотреть. Но как нам нужно здесь понимать эту букву? Да так и понимать, буквально.

Буквой мы называем тот материальный носитель, который каждый конкретный дискурс заимствует в языке... язык не совпадает с различными соматическими и психическими функциями, поставленными ему на службу говорящим субъектом... язык с его структурой возникает раньше, чем конкретный субъект на определенной стадии своего умственного развития в него входит» [21].

В данном фрагменте, на мой взгляд, Лакан исходно постулирует существенную путаницу во взаимоотношении бессознательного и языка.

Возможно, что в бессознательном мы имеем некую исходную структуру языка, нечто навреде юнговского коллективного архетипа или генетически наследуемого первотектона, представляющего собой субстрат для последующего развития языка, но весь язык и вся его структура не могут быть полностью размещены в бессознательном. Хотя бы потому, что бурное развитие языка в возрасте 2-5 лет совпадает с появлением сознания (самосознания) и сознательной памяти. То есть умственное развитие субъекта и развитие языковой структуры в этом возрасте (2-5 лет) и в дальнейшем во многом совпадают.

Понимать букву буквально – это, по-русски говоря, «масло масляное».

Если буква – материальный носитель, заимствующий дискурс в языке, то вероятнее всего, произошло осознание этого материального носителя. В

последствие, этот носитель может в определенной степени погружаться в бессознательное, но быть полностью бессознательным он уже не может.

3.4.4. Трудно согласиться с последующим высказыванием Лакана о том, что субъект может показаться рабом языка и еще больше он может рабствовать дискурсу. Это определение можно в определенной степени относить к субъекту с очень развитым языком и развитым дискурсом, к субъекту, который пытается выразить субъективный потенциал своей самости посредством языка (например, поэт, философ или писатель). Условно – средний субъект – не раб языка или дискурса, скорее, алгоритмический автомат.

3.4.5. Логический позитивизм в своем поиске смысла смысла («на своем лошадином наречии») – им приходится констатировать, что даже самый осмысленный текст оказывается в свете этого анализа (видимо, лингвистического – А.В.) ничего не значащей ерундой, - так утверждает Лакан. А теперь, сравните и вдумайтесь – разве это не исток Деррида с его амбицией проблематизировать всю западно-европейскую метафизическую традицию, ставя под вопрос речь и письмо, язык и текст, дискурс и метафору, перформативность и истину?! [17]. Возможно, никто более, чем Деррида, не унаследовал столько идей и «поворотов» у Жака Лакана. Неплохо бы осуществить сравнительный анализ их основных стиливых приемов и конструкторов.

3.4.6. После топических манипуляций означающим и означаемым, со ссылками на Соссюра, Лакан неожиданно заявляет, что «ведущую роль в драматическом превращении, которое может произойти в субъекте в ходе диалога, играет буква». Думается, что Деррида понял это буквально, что и отразил в своем словотворчестве. Но, на мой взгляд, драматическое превращение скорее может играть слово, а не буква. Именно слово, проявившее особую грань психического воздействия в силу смыслового контекста, кардинально меняющего сущность и значение происходящего в конкретной ситуации выбора и решения.

3.4.7. Импровизируя по поводу символических контекстов, Лакан допускает любопытную оговорку «эта строфа современной поэмы построена по тому самому закону параллелизма означающего, которому в равной мере подвластны и примитивный эпос славянина и утонченнейшая поэзия китайца» [21]. Оказывается, помимо самого глубинного знания текстов Фрейда, Лакан еще позиционирует себя знатоком славянского эпоса и утонченнейшей китайской поэзии! На самом деле, эта оговорка еще раз подтверждает предвзятое отношение Лакана к славянскому, и, в особенности, ко всему русскому, недоросшему до глубин фрейдовского психоанализа и изящной французской словесности.

3.4.8. «Надо сказать, что современная поэзия и сюрреалистическая школа сильно помогли нам, показав, что в принципе всякое соединение любых двух означающих может с равным успехом образовывать метафору; но для возникновения поэтической искры, т.е., для того, чтобы метафорическое творение состоялось, образцы означаемого должны быть максимально чужеродны друг другу» [21].

В данном случае Лакан еще раз позиционирует себя тонким знатоком поэзии. Только если понимать его буквально, чужеродные максимально образы, скорее всего, могут порождать сюрреалистический абсурд (а не яркую поэтическую метафору, похожую на поэтическую искру), типа «палка-селедка» и тому подобное.

3.4.9. «Но разве теперь, когда в поисках фрейдовской истины мы вступили на путь буквы, не чувствуем мы, что нам все теплее и теплее, что истина уже прямо-таки обжигает нас?

Недаром говорят, конечно, что буква убивает, а дух животворит... а как все таки дух собирается выжить без буквы? Впрочем, претензии духа так и остались бы не колебимыми, не сумеет буква доказать, что все, имеющее отношение к истине, производит в человеке она сама, без какого бы то ни было вмешательства со стороны духа. Откровение это было Фрейду, и открытое им он назвал бессознательным» [21].

Весьма любопытный и многозначный фрагмент. Жак Лакан видится в нем в роли экзальтированного мистика и проповедника новой религии – фрейдизма – проповедником, не лишенным поэтического дара, но вовсе не ученым и не философом, далеко не психоаналитиком и психотерапевтом. Во-первых, буква здесь весьма неоднозначна, а скорее, это слово, или учение, или откровение (почти классическое – «вначале было слово»). Во-вторых, понятие духа в данном случае выглядит безлико и абстрактно, а буква едва ли не означает бессознательным. Буква ставится выше духа, что лишает смысла и почтения сознание субъекта. Дословно, психика и сознание субъекта – ничто перед буквой Фрейда и Лакана. В-третьих, явное смешение и профанация научной и философской истории: Фрейд не открывал бессознательное, как и не открывал сексуальную доминанту. Теорию бессознательного развивали в XIX веке и А.Шопенгауэр, и Э.фон Гартман и другие философы и психологи, а доминанту сексуального Фрейд позаимствовал у французского психиатра Шарко, когда стажировался у него в Париже.

Низведение духа ниже буквы, это низведение смысла бытия субъекта. Если в психоанализе господствует буква, а дух – простое к ней приложение, тогда само лечение, как цель, теряет значение. Тогда психоаналитик наслаждается буквой, а пациент так и не обретает духа, потому что психоаналитику важно извлечь букву, а не излечить дух (душевную болезнь).

Если буква есть истина, как утверждает Лакан, то это прямой путь к созданию зомби или к созданию искусственного интеллекта. И в том и в другом случае – дух полностью теряет значение, а буква становится всем (если помните из нашей истории: «кто был ничем – тот станет всем»).

3.4.10. «II. Буква в бессознательном.

Каждая третья страница собрания сочинений Фрейда содержит филологические ссылки, а в каждой второй вы найдете логические заключения, и буквально повсюду присутствует диалектическое восприятие

опыта, в котором анализ языка играет тем большую роль, чем непосредственное задействовано в этом опыте бессознательное» [21].

В данном случае я вижу продолжение пафоса проповедника, убеждающего, что он несет новую, истинную религию (психоанализ – библия от Фрейда – А.В.). Лакан здесь утверждает, что «Толкование сновидений» - это царский путь к бессознательному» и об этом нас открыто предупреждает сам Фрейд. Сделанное им при выходе этой книги, в первые дни нынешнего века, удивительное признание, лишь подтверждает то, что он не уставал повторять до конца своих дней: здесь, в идеях этой книги, поставлено на карту всё его открытие» [21].

Во-первых, опять же Лакан выступает в роли апостола и проповедника, но никак не ученого и не философа. Во-вторых, Фрейд опять же не открыл толкование сновидений, а написал об этом книгу, а собственно толкование сновидений – это древний компонент мифологического мировоззрения, мышления и сознания. Толкование сновидений культивировали жрецы всех древних религий (читайте историю древнего Востока, Греции и Рима). В-третьих, Лакан пытается обосновать то, что «Толкование сновидений» Фрейда не только породило психоанализ, но и всю структурную лингвистику (от Соссюра и всю первую половину XX века). А ссылки филологические в собрании сочинений Фрейда (неизвестно чьи – самого Фрейда или его комментаторов?) никак не делают его предшественником Фердинанда де Соссюра и всего лингвистического структурализма (о чем настойчиво твердит Лакан).

3.4.11. «На своих семинарах я показал, что когда Фрейд, стараясь сохранить свое открытие и переориентировать в соответствии с ним всю систему человеческого знания, часто менял направление и ложился, казалось, на другой курс, целью его как раз и было создать противодействие непрерывно нараставшим последствиям одностороннего его толкования» [21].

Здесь, можно сказать, проповедь продолжается с еще большим пафосом: Фрейд пытается переориентировать (ни много ни мало!) всю систему человеческого знания в соответствии со своим открытием. Гераклит, Аристотель, Плотин, Боэций, Фома Аквинский, Спиноза, Декарт, Паскаль, Лейбниц, Ньютон, Гегель, Кант и Дарвин – все мыслители и ученые и философы всех времен и народов просто отдыхают! Есть пророк Зигмунд Фрейд и его апостол и проповедник Жак Лакан...

Однозначно видны претензии на научную религию XX века – психоанализ Фрейда, как фундамент всей последующей философии и естествознания.

3.4.12. «Содержания бессознательного с их обманчивой двусмысленностью не представляют в наше распоряжение внутри субъекта реальности более твердой, нежели непосредственная данность [l'immediat]; действительность этого содержимого обусловлена истиной и обусловлена в измерении бытия; Kern unseres Wesen (ядро нашего существа – вот определение самого Фрейда» [21].

В отличие от Лакана, я совсем небольшой знаток немецкого языка, но Kern и Wesen – слова многозначные и вполне можно перевести это утверждение не как «ядро нашего существования», а например, «сущность нашего нрава, поведения» - тогда смысл высказывания существенно изменяет и сам контекст.

Содержание бессознательного далеко не двусмысленно, а скорее, многосмысленно. Иллюзии первой половины XX века, идущие от психоанализа, будто бы мы открыли все содержание бессознательного – это большой самообман. Толкование сновидений – это лишь отчасти приоткрывает бессознательное, которому толкователь придает свое субъективное понимание, свой субъективный смысл.

Непосредственная данность, обусловленная истиной в измерении бытия – это тот же вариант субъективной интерпретации.

3.4.13. «Увы, но с этим придется смириться. Бессознательное не имеет ничего общего ни с врожденным, ни с инстинктивным, а самое элементарное в нем – это элементы означающего» [21].

В подтверждение предыдущей моей мысли, в данном выражении Лакан «пускается во все тяжкие» - устраняя любую возможность объективного исследования бессознательного, потому что утверждать, что бессознательное – это не врожденное и не имеющее связи с инстинктом – это говорить, что человек - это не биологическое существо с наследуемым генетическим кодом, со всеми его антропоэволюционными качествами, а скорее всего, если до конца доводить утверждение Лакана, человек – это лингвистический автомат, бессознательное которого есть структура языка, лишенная духа и генетического прошлого, функционирующая только на основе элементов означающего.

3.4.15. «Именно бездна, разверзающаяся при мысли, что мысль отзывается в бездне, и стала главной причиной неприятия психоанализа. Именно она, а вовсе не пресловутое преувеличение в человеке роли сексуальности. Это последнее не ново и господствует в художественной литературе уже века. Эволюция психоанализа ухитрилась, проделав своего рода комический фокус, превратить эту сексуальность в моральную инстанцию, в колыбель и место ожидания и влечения. Оседланное душой платоническое животное получает благословение и направляется напрямик в рай.

В те времена, когда фрейдовская сексуальность еще не была святой, главной претензией к ней была её «интеллектуальность». Эта черта роднила её с теми бесчисленными террористами, чьи заговоры грозили вот-вот разрушить наш общественный строй» [21].

Начнем с последнего: о каких «бесчисленных террористах» говорит Лакан, догадаться довольно сложно. Вероятно, речь идет о революционерах XIX и XX вв., одержимых жадой низвергнуть капитализм, а может это намек на Маркса-Энгельса-Ленина, как организаторов пролетарского

движения? Но как пришел Лакан к «бесчисленным террористам», отталкиваясь от сексуальности и интеллектуальности – для меня остается загадкой.

Как и его утверждение о «святой фрейдовской сексуальности» - где она утвердилась и в какие времена?

Как, впрочем, и мысль, отзывающаяся в бездне, и ставшая причиной неприятия психоанализа. Видимо здесь присутствует большая глубина мистико-поэтического погружения, или наоборот, плод импровизаций Лакана, как мастера изящной французской словесности.

Но обратите внимание на высказывание о роли сексуальности. Прежде он утверждал, что это открытие Фрейда, а здесь говорит, что это «не ново и господствует в художественной литературе уже века».

Про мысль, «отзывающейся в бездне», на мой взгляд, это скорее, мотив Хайдеггера, чем Фрейда. Комический фокус – здесь, вероятно, обыгрывается фрейдовское понятие сублимации, превращающей сексуальность в энергию морального и творческого самовыражения. «Оседланное душой платоническое животное, отправляющееся напрямиком в рай» - видимо, это ирония самого Лакана, любящего отрицать значение души для человеческого существа.

3.4.16. «Для всякого, чей взгляд способен различить происшедшие в нашей собственной жизни изменения, очевидно, что фрейдизм, как бы мало ни был он понят, и сколь бы неясны ни оставались его следствия, успел совершить некую неощутимую, но радикальную революцию. Собирать свидетельства бессмысленно: не только гуманитарные дисциплины, но и сама судьба человечества, политика, метафизика, литература, искусства, реклама, пропаганда, а тем самым, без сомнения, и экономика, испытали на себе его влияние.

Но это все не что иное, как разрозненные следствия той невероятной истины, первопроходцем которой стал для нас Фрейд. Надо сказать, правда, что любая техника, рассматривающая объект в исключительно

психологических категориях – как это происходит, в частности, в современном психоанализе, не вернувшись к фрейдовскому открытию – фактически уходит с проторенного им пути» [21].

Во-первых, почему радикальная революция неощутима? И главное – почему бессмысленно собирать свидетельства этой радикальной революции фрейдизма? Ссылка в списке на Мориака «отказывающегося поведать о своей жизни», на мой взгляд, неудачное и жалкое подтверждение всемирного влияния фрейдизма.

О влиянии фрейдизма на судьбу человечества необходимо исследовать, но не преувеличивать голословно.

Невероятная истина Фрейда, открывшаяся полностью и целиком только Жаку Лакану, также нуждается в исследовании, изучении и адекватной оценке.

А вот окончание фрагмента, где все психоаналитики утратили технику Фрейда, и единственно верным наследником и понимающим истину и технику Фрейда остался один Лакан – это классическое утверждение, полностью в духе и в букве Жака Лакана.

3.4.17. «Своим открытием Фрейду удалось ввести внутрь круга науки рубеж между бытием и объектом, который до тех пор казался границей этого круга» [21].

Здесь уважаемый психоаналитик – фрейдист Жак Лакан – плавно переходит в пространство Хайдеггера и заявляет: «умоляю, не ограничивайтесь занесением моих слов под рубрику хайдеггерианства, хотя бы с приставкой нео, ничуть не облагораживающей тот стиль мусорной корзины, с помощью которой мы так ловко научились избавляться от всякой рефлексии, пользуясь отходами её деятельности как лавкой поношенного платья.

Когда я говорю о Хайдеггере, а точнее, перевожу его, я стараюсь вернуть произнесенному им слову его суверенное значение» [21].

Ну что ж, весьма достойное окончание! Одним легким движением пера (авторучки) Жак Лакан создает «запасной аэродром» для своего неутомимого психоаналитического и философского творчества, претендуя уже не только на самое истинное прочтение Фрейда, но и новой возшедшей звезды европейской философии Мартина Хайдеггера, который буквой и душой близок проповеднику истинного знания и поэзии, и бессознательного, и любой бездны мысли без всяких ограничений.

Верный духу и букве Лакана еще один Жак – Деррида – постарается выбросить «в лавку поношенного платья» всю европейскую метафизику, со всеми объектами, законами и истинами.

По большому счету, все это плоды исторического развития блестящей французской словесности, изрядно обнажаемой ментальными откровениями.

4. Герменевтика психического.

4.1. Начнем, как обычно, с определения.

4.1.1. «Герменевтика – 1) теория и искусство истолкования текстов; 2) философское учение об искусстве понимания «другого», 3) метод интерпретации явления и понимания субъекта, основанный на «внутреннем опыте» человека и его непосредственном восприятии «жизненной целостности» [35].

Ближе к герменевтике психического третий вариант, из которого в определенной степени происходит мой опыт: фрагментарный герменевтический микропсихоанализ [10, 11, 12], частично отражающий мое субъективное понимание герменевтики психического.

4.1.2. В изложении П.П. Гайдено [14] мне ближе позиция Шлейермахера и Дильтея, то есть, понимающая психология, как основа герменевтики. Версию Хайдеггера по истолкованию реальности «жизненного мира» как по преимуществу языковой реальности (которую в значительной степени позаимствовал Ж.Лакан в своей интерпретации текстов З.Фрейда – А.В.) я нахожу вторичной и дополнительной к дильтеевской концепции постижения целостности духовно-душевной жизни. Идею Гуссерля и его

продолжателя Хайдеггера по освобождению от психологизма и субъективизма в понимании сущности языка я считаю позитивистским анахронизмом: не язык «говорит нами», а мы говорим языком. Большой субъективности в понимании сущности языка, чем у Хайдеггера и Лакана, на мой взгляд, трудно встретить в сообществе философов и психоаналитиков XX века.

Утверждение Гадамера о том, что язык, а не говорящий индивид, является субъектом речи – из той же темы припоздавшего позитивизма, что у Хайдеггера и Лакана.

Тенденция в герменевтике, которую отмечает П.П. Гайденко, выражающаяся в недоверии к непосредственным свидетельствам сознания – это те же «отголоски» борьбы с психологизмом. Можно подумать, что все герменевты и психоаналитики осуществляют свои интерпретации практически бессознательно и полностью избегают своей субъективности. Это застарелый миф из лона абсолютной объективности естественнонаучного и даже гуманитарного познания.

4.1.3. В отношении хайдеггеровской герменевтики – я вполне разделяю мнение его исследователя и комментатора О.Ф. Больнова: «У Хайдеггера мир съезживается до двух способов бытия – сподручного и наличного, до сферы технически полезного и до понимаемого в негативном модусе мира голой, лишенной смысла действительности. Все сферы наполненной собственным смыслом действительности – от органической жизни животных и растений до человеческой культуры в наполненном ценностью смысле отсутствуют» [6].

4.1.4. При всем при этом, Хайдеггер претендует на единственный (единоличный) факт понимания бытия, поскольку считает своих предшественников и современников «заложниками» (А.В.) «неподлинного» понимания бытия. Эта же тенденция ярко прослеживается в «Инстанции буквы...» у Жака Лакана. В итоге, по утверждению Гайденко [14], Хайдеггер провозгласил невозможность рационального постижения бытия – что также

ярко проявляется в творчестве Лакана и большинства французских постпозитивистов и постструктуралистов.

4.1.5. В.С. Малахов [25] отмечает, кроме прочего, также о принципиальной открытости интерпретации, которая, по Гадамеру, никогда не может быть завершенной, а также о неотделимости понимания текста от самопонимания интерпретатора. А также философско-герменевтическую концепцию Поля Рикера, в которой условия возможности понимания могут быть эксплицированы на трех уровнях – семантическом, рефлексивном, экзистенциальном. К семантическому Рикер относит психоанализ (называемый «семантикой желаний»), «философию значения» Витгенштейна и его последователей, экзегетику Бульмана и его школы.

Рефлексивный уровень связан с моментом самопонимания интерпретатора.

Третий уровень – экзистенциальный – обуславливает различие способов экзистенции. Поэтому единой и единственной теории интерпретации быть не может.

В.С. Малахов оценивает попытки структурного психоанализа Лакана и теорию деконструкции Деррида как не вполне правомерные попытки выступать методологиями и методиками интерпретаций. На мой взгляд, герменевтические элементы методов Лакана и Деррида больше похожи на субъективный абсурд и произвол [25].

4.2. «Психическое: процессуальность (психическое как процесс) – концепция, разработанная Рубинштейном и его учениками как развитие теории Сеченова; раскрывает основной способ существования психического. Оно существует прежде всего как процесс – живой, предельно пластичный, непрерывный, никогда полностью не заданный изначально, но формирующийся и развивающийся, порождающий некие продукты или результаты – психические состояния и образы, понятия, чувства, решение или нерешение задачи и пр.

Концепция психического как процесса раскрывает единство сознания и деятельности, ибо человеческая психика проявляется и формируется в деятельности» [34].

4.2.1. «Психика – 1) функция мозга, сущность которой заключается в отражении действительности в виде ощущений, восприятий, представлений, мыслей, чувств, воли и пр.; 2) духовная организация человека, совокупность его душевных качеств» [35].

4.2.2. «Сознание – высшая, свойственная человеку форма обобщенного и целенаправленного отражения действительности: совокупность психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком объективного мира и своего собственного бытия» [35].

4.2.3. «Бессознательное – 1) совокупность психических процессов, актов и состояний, обусловленных явлениями действительности во влиянии коих субъект не дает себе отчета; 2) форма отражения психического, в коей образ действительности и отношение к ней субъекта не выступает как предмет специальной рефлексии и составляют нераздельное целое» [34].

4.2.4. «Коллективное бессознательное – (по Юнгу) – совокупность наследуемых людьми универсальных неосознаваемых психических структур, механизмов, архетипов, инстинктов, импульсов, образов и т.д., передаваемых от поколения к поколению как субстрат психического бытия, включающий в себя психический опыт предшествующих поколений» [29].

4.2.5. Естественно, что пп.4.2.1.-4.2.4. – это далеко не единственные и не самые верные определения, но они позволяют в некоторой степени ориентироваться в последующих моих рассуждениях по поводу герменевтики психического.

4.3. Если формулировать моё кредо по отношению к психическому, то я не верю, что можно четко различать границу между сознанием и бессознательным, и нахожу в этой теме большой субъективный произвол. То есть, бессознательное у Фрейда, Юнга, Адлера, Райха (мэтров психоанализа), на мой взгляд, весьма различно по содержанию, по смыслу, по способам

проявления и обнаружения. Часто просто используются более или менее правдоподобные научные конструкты, которых никто в чистом виде не видел и не фиксировал в лабораторных условиях. Когда-то, в конце XIX - начале XX вв., в эпоху бурного формирования и развития науки психологии, эта неопределенность и неуловимость психических понятий, явлений, конструктов, вызывала активное неприятие любителей строгой логики и предельного формализма, и породила целое течение в науке и философии, которое можно определить как антипсихологизм. Много выдающихся ученых и философов отдали «дань антипсихологизму» - назову только некоторых: Фреге, Гуссерль, Рассел, Г.Шпет.

По обстоятельствам моей жизни, я всегда был психологистом. Психологией спорта я увлекся в 1976 году (на первом курсе техникума физической культуры), психологией личности в 1980, социальной психологией, психологией управления – с 1984 г. 1984-1989 гг. – первый период увлечения психоанализом Фрейда, Юнга (это были машинописные самиздатовские распечатки, вместе со статьями и монографиями советских философов и психологов, критикующих психоанализ. Второй период 1989 – 2001 гг – уже была вполне приличная домашняя библиотечка по психоанализу. Третий период – с 2001 и по сей день – это бесконечные попытки герменевтического препарирования различных текстов). На историю и философию психологии я обратил серьезное внимание с 1995 года. Это такой небольшой «оживляж» от человека естественного, не ради призрачной славы, а чтобы сказать, что в области психологии я совсем уж не случайный человек. Но как говорили в старые добрые времена в Одессе: «И что это ему дало?». Если кратко, то дало многое. Собственно, основное содержание моей жизни: я наблюдаю людей и животных, пытаюсь их понять, объяснить их мотивы и устремления. В первую очередь, отталкиваясь от самонаблюдений – самый доступный объект – это сам субъект. Как бы французы не упраздняли понятие объекта и субъекта, пока мы живы – нам

никуда от этого не уйти, как и от главного деления людей на оптимистов и пессимистов, каковых в чистом виде никогда не существовало.

4.4. Сам основной объект – субъект психики, изучаемый человеком с античных и более ранних времен – он так же не уловим, как и архетип Юнга. Тем не менее – он есть и он во многом определяет судьбу и содержание нашей психической и социально-биологической жизни. Но, впрочем, до сих пор трудно разобраться (и не только мне одному) – ради чего вообще мы живем – ради души или ради тела? Просто, разумеется, ответить, что ради того и другого, «пятьдесят на пятьдесят». Увы, этот простой ответ, скорее всего, грубо не точен.

Многие ученые и философы (особенно при социализме) упорно отрицают наличие сознания у животных, считая сознание достоянием только человека – это тоже грубая ошибка. У отдельных видов животных имеется весьма развитое сознание, но они не знают человеческого языка и не могут нам поведать о богатстве своего сознания. Много ли мы узнали о сознании человека, если бы изучали его только методами Ивана Павлова?

4.5. Возвращаясь к герменевтике психического: «В сфере психических явлений скрещиваются и взаимно усиливают друг друга интерес человека к противостоящей ему природной и социальной реальности и потребности понять интимнейшие стороны своего существования» [9].

Вы никогда не задумывались, почему произошел такой «взрыв» познавательного интереса к психическим процессам в конце XIX начале XX вв., когда появилась современная наука психология, а вместе с нею – учение психоанализа? До сих пор не ясны причины этого феномена в антропогенетической эволюции человека. Возможно, что они космические, как утверждал Л.Н. Гумилев, возможно, это следствие начала технической и социальной революции в Европе. Тем не менее, это явление состоялось, и основной движущий интерес его – это многообразие и неуловимость психических процессов повседневной и духовной жизни человека.

Психоанализ Фрейда, по большей части, это не наука, это изобретенная технология познания себя и других. Я вовсе не говорю о том, что у Фрейда отсутствует всякая наука, а только есть сплошная мифология, построенная на личных «комплексах». «Я», «Оно» - они есть в нашей психике, как субстраты сознания и бессознательного.

В отличие от Н. Бердяева и Э. Фромма, я вполне соглашаюсь с Фрейдом о доминантной роли сексуального в психике человека, в его животном бессознательном субстрате. Но нахожу механизмы действия сексуального более избирательными по проявлению у каждого индивидуума. Грубо говоря, у кого-то это доминанта действует все 100 % времени от полового созревания до угасания половых функций, а у кого-то она доминирует только в 5-10% этого времени. Есть разные культуры, традиции, темпераменты и жизненные условия. Есть разные техники сублимации. Но Фрейд и его одержимые последователи иногда похожи на ортодоксальных бихевиористов, каким был в значительной степени Вильгельм Райх. Я считаю фрейдовский конструкт «Сверх Я» также удачным изобретением, позволяющим обнаруживать под ним реальные психические процессы. Но это явление также имеет широкий диапазон индивидуальных проявлений, которые не всегда легко точно диагностировать. Как и действие либидо в процессе эволюции и формирования психики каждого индивида.

Противостояние сознательного и бессознательного в психике индивида, безусловно, существует, но оно также протекает по индивидуальным, а иногда, по уникальным траекториям (хотя, и в этих процессах можно обнаружить типическое). Но у всех нас есть различия в генетически наследуемой части психики и есть уникальные условия индивидуального развития – и это порождает многообразие динамических проявлений психики и её уникальную неповторимость в каждой личности.

4.6. Если обратить внимание на психоаналитическую герменевтику А.Лоренцера, то я считаю удачной его находкой концепцию сознательного формирования символов (в отличие от фрейдовского бессознательного и

юнговского бессознательного формирования символов). Хотя, возможно, какие-то символы все таки формируются в бессознательном, но большая часть их приобретается в процессе социализации. А это означает, что каждый индивидуум может овладеть своим набором символов.

В бессознательном же чаще наследуются «стереотипы» или «генетические установки», которые имеют свои онтогенетические и филогенетические алгоритмы проявления.

4.7. В отличие от семиотиков, я сомневаюсь, что «знак образует сердцевину психики и сознания» [цит. по 23].

Я подозреваю, что в человеческой психике существует сетевой знаковый механизм довольно сложной природы, но это выглядит слишком однобоким формальным решением. Возможно, что существует на порядок более богатый механизм психофизиологических алгоритмов, который в значительной степени является продуктом филогенеза психики и содержит в себе всё богатство эволюционно-генетической информации регулирующей поведение человека.

4.8. Отсюда становится понятным выражение Л.Выготского: «Осуществившееся поведение есть ничтожная доля возможного, человек всякую минуту полон неосуществившихся возможностей» [цит. по 23].

Думаю, что Выготский имел ввиду богатейший набор алгоритмических возможностей и реакций психики, который проявляется в виде локальных ситуативных траекторий или цепных алгоритмических реакций на конкретную социально-психологическую или психофизиологическую ситуацию.

4.9. Из истории герменевтики психического: «Шпет видит в герменевтике Шлейермахера глубоко заложенную тенденцию будущего выделения психологической герменевтики в самостоятельную дисциплину и отделения от нее феноменологической герменевтики, предметом которой является анализ чистого смысла, освобожденного от влияния психологических привнесений... Шпет не принимает концепции

Шлейермахера из-за ярко выраженной психологической окраски. Шпет, будучи последовательным рационалистом и сторонником феноменологии, боролся против всяческих форм психологизма в логике, методологии науки, герменевтике, поэтике и эстетике» [20].

Во-первых, психологическая герменевтика и герменевтика психического – далеко не одно и то же. В моем понимании, они должны развиваться параллельно. Психологическая герменевтика – более широкое гуманитарное направление, взаимодействующее с философией, а герменевтика психического больше обращена к филогенетике и онтогенетике психики, к семиотическому и информационно-алгоритмическому объяснению (познанию) психических процессов.

Г.Г. Шпет (1879-1937) – русский философ и искусствовед, в значительной степени увлекавшийся Гегелем и Гуссерлем, поэтому, больше феноменолог, чем герменевт, с большим уклоном в философскую герменевтику, но имевший постоянный интерес ко всему психологическому. Кстати, в его «Введении в этническую психологию» [44], на мой взгляд, сама этническая психология остается в тени философско-феноменологических и культурологических рассуждений.

Позиционирование Г.Шпета как последовательного рационалиста и антипсихологиста, на мой взгляд, не совсем верно, и вполне можно обнаружить в его работах не мало полезного для современной психологии, особенно для философии психологии и психологической герменевтики. А психологизм в логике, методологии науки, герменевтике, поэтике и эстетике – был, есть и будет. За этим – будущее человеческой науки вообще, потому как чистая логика и чистая феноменология – это полное устремление в искусственный интеллект, в уничтожение всего эмоционально-человеческого и естественного. Лишите поэтику психического – это уже не поэтика, а голая безжизненная абстракция.

4.10. «Рассматривая различные виды употребления термина «понимание» (внутренней жизни, душевных переживаний, природы), Шпет

доказывает, что данный термин в этих случаях употребляется в переносном смысле. Психологическая интерпретация не является понимающей деятельностью, относящейся к сфере деятельности разума по поводу раскрытия смысла, а есть субъективно-психологическое проникновение, вчувствование, «симпатическое» переживание явлений не интеллектуальной природы... интерпретировать можно только знаки, которыми выражается определенный смысл (интерпретация, по Шпету, начинается там, где кончается естественное понимание» [20].

Если рассуждать логически, в том стиле, что предполагается Гуссерлем и Шпетом, тогда надо вообще выбросить субъекта из истории науки (вероятно, так будет выглядеть будущая наука искусственного суперинтеллекта), да и сами такого рода феноменологи-формалисты уже напоминают бездушные автоматы, пытающиеся изгнать из себя все субъективное, психологическое, человеческое-переживательное.

Цель и итог такого развития – полная редукция к абстрактной бездушной логике разумного автомата.

Если герменевтика начинается там, где кончается естественное понимание, то каков смысл этой герменевтики для человека? Игра знаками – это математическая логика, лишённая человеческого понимания математики.

4.11. В.Г. Кузнецов, комментируя В.Дильтея, приводит одно из его утверждений: «Тем самым во всяком понимании есть нечто иррациональное, коль скоро иррациональна сама жизнь, понимание не может быть никогда репрезентировано формулами логических операций. Предельная, хотя и сугубо субъективная достоверность, заключающаяся в сопереживании, никогда не может быть заменена проверкой познавательной ценности выводов, в которых может быть изложен процесс понимания. Таковы границы логической разработки, установленные его природой» [20].

И далее по тексту приводит мнение Гадамера о том, что «герменевтическое предприятие Дильтея не было бесполезным занятием» [20].

В моем понимании, многие идеи В.Дильтея чрезвычайно важны для психологической герменевтики и герменевтики психического в настоящее время как никогда, потому что в них выражены смыслы именно человеческого понимания, а не понимания робота-автомата, такого жреца научного разума, к которому стремились Фреге и Гуссерль. А Гадамер, при всех его философских и герменевтических достижениях, просто недорос до истинного гуманитарного понимания текстов Дильтея, который является полным антиподом учителей Гадамера – Гуссерля и Хайдеггера.

4.12. Возвращаясь к бессознательному: «Если бы было возможным воспроизведение картины работы бессознательного в этом случае (создание – поэтического текста – А.В.), то, вероятно, она была бы достаточно хаотичной. В пользу такого предположения говорят факты внутренней речи, которая образует как бы переходный мостик между бессознательной и осознаваемой работой мозга... Внутренний бессознательный процесс переработки информации, по-видимому, базируется на манипулировании не отдельными вычлененными значащими единицами, а целыми блоками, полями информации. При этом осуществляется как бы «просвет» этих полей и блоков на предмет обнаружения необходимых строительных элементов. Бессознательное вынуждено «работать» на больших массивах информации, существующих в разнообразных кодовых воплощениях» [26].

На мой взгляд, довольно удачная попытка представить картину работы бессознательного. Если этот образ выразить в виде гиперсетевой модели мозга (сознания, когнитива) академика К.В. Анохина, то получается в результате не хаотическое движение информационных потоков, а наоборот – весьма организованное и целеустремленное (почти всегда, почти в любой ситуации) ибо только так может функционировать бессознательное, обладающее гораздо большей скоростью обработки потоков информации, чем сознательное.

И, скорее всего, информация, содержащаяся в бессознательном, присутствует не в знаковой форме, а в форме биоэлектрических сигналов,

кодов тонкой структуры. Ибо знаки – это в значительной степени - продукты и структуры сознания.

4.13. Мышление и сознание.

«Реальный процесс мышления с точки зрения семиотики представляется как многоуровневая система разнообразных взаимодействующих знаковых средств – от внутримозговых процессов, протекающих вне контроля сознания, а также различных проявлений внутренней речи до высокой степени организации и управления в виде «открытой» речевой деятельности. Полно представленное мышление, невозможное вне самосознания, чувства «Я» субъекта, представляет себя как специфический синтез разных знаковых средств, как достаточно богатая семиотическая полифония» [26].

В определенной степени можно согласиться с В.А. Мальчуковым, что так может выглядеть идеальная модель мышления. Но в таком варианте, при полном доминировании осознанности и даже самоосознанности всех процессов мышления, не хватает малого, и, может быть, самого главного – в этой модели полностью отсутствует бессознательное.

Предположение о том, что мышление – это рациональная форма обработки и синтеза только знаковой информации – это не человеческое мышление, а мышление искусственного знакового автомата, лишенного живой плоти бессознательных процессов.

5. Заключительные замечания.

5.1. В 80-е годы XX, когда я начал активно погружаться в проблемы психологии личности и социальной психологии, и в первом приближении знакомиться с текстами классиков психоанализа, в советской философии господствовало доминирующее суждение о том, что «в структуре психической деятельности современного, нормального, цивилизованного человека инстинкты действуют в преобразованном виде и играют подчиненную роль, находясь под контролем высших этажей сознания, социальных институтов, а еще шире – завоеваний общечеловеческой

культуры... Говорят о тройственной природе человека – биопсихосоциальной. Эту концепцию попробуем сразу же отвести и психическое без особых погрешностей покрывается биологическим и социальным» [19].

Признаюсь честно, иногда я верил в подобные концепции, в то, что социальность поглощает и психическое и биологическое, и в то, что сознание способно все держать под контролем – все инстинкты, бессознательные импульсы, животные начала нашей психики.

Позднее, у Виктора Франкла, я встретил очень похожую мысль о том, что «человеческие цели и мотивы всегда осознаны – нет каких-либо скрытых бессознательных мотивов и целей» [цит. по 36].

Это утверждал ученый, прошедший школу классического психоанализа, и более жестокую школу трехлетнего пребывания в фашистских концлагерях смерти.

В значительной степени, в настоящее время, я соглашаюсь с выводами Виктора Франкла, но все же допускаю наличие скрытых или слабоосознаваемых мотивов и целей, которые сознание может игнорировать, не замечать или даже подавлять, не осознавая полностью своё, якобы рациональное поведение.

Когда в 80-е – начале 90-х годов я обнаружил в книге Д.Узнадзе «Психология установки» такие фрагменты: «Установка не является феноменом сознания... Это, скорее некоторое общее состояние, которое касается не отдельных каких-нибудь органов субъекта, а деятельности его как целого» и «Импульсивное поведение протекает под знаком полной зависимости от импульсов, вытекающих из сочетания условий внутренней и внешней среды – под знаком непосредственной и безусловной зависимости от актуальной ситуации, которая окружает субъекта в каждый момент» [39], это было большим удивлением и открытием для меня. В том плане, что я увидел вдруг колоссальное влияние бессознательного в любой актуальной

ситуации, а также возможность подавления сознательных целей и смыслов под влиянием мощных импульсов бессознательного.

В «бурные 90-е» пришло понимание, что «понимание плюрално, оно существует во множестве вариантов, отражающих различные грани реальности» [7] и что «понимание – это всего лишь сравнение» [4] и что «первичность психических процессов во многом определяет структуру социальных феноменов» [42] и что «психологическая основа всех философских высказываний до сих пор умышленно игнорируется или отодвигается на задний план» [28]. Тогда я начал во всем сомневаться и спорить со всеми читаемыми философами и психологами. Естественно, что помимо чтения классиков, обильную информацию социально-ментального плана давала сама повседневная жизни.

5.2. В 90-е и позднее (на протяжении почти двадцати лет) я был большим поклонником К.Г. Юнга. Меня очаровали его «вездесущие и неуловимые» архетипы, его позитивно-мистическая мифология, гораздо более жизнерадостная, чем у Фрейда.

К.Юнг утверждал о незащитности человеческой психики перед властью бессознательных структур («мы только воображаем, что наши души находятся в нашем обладании и управлении»), что «архетипы многозначны и неисчерпаемы, парадоксальны и представляют собой настоящие символы» и что «либо психика не локализуется в пространстве, либо пространство психического относительно. То же относится к временному отношению психики и соответственно времени» [47] и что «безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума точно также, как строение нашего тела выходит к общей анатомической структуре млекопитающих» [46] и что «каждое понятие в нашем сознании имеет свои собственные психические ассоциации. В то время как подобные ассоциации могут варьироваться по своей интенсивности (в соответствии с относительной значимостью понятия для нашей личности в целом, в соответствии с другими идеями и даже комплексами, с которыми оно

ассоциируется в нашем бессознательном), они способны изменить «нормальный» характер понятия. По мере того, как оно погружается ниже уровня сознания, оно может даже стать чем-то совершенно иным» [45].

5.3. В настоящее время (июль 2026) у меня нет непререкаемых авторитетов – ни в психологии, ни в философии, ни в естествознании. Это вовсе не значит, что я стал нигилистом. Просто я все утверждения и законы, все мифы и общепринятые мнения подвергаю сомнению. В том числе и бурно развивающийся искусственный интеллект, которые многие считают панацеей и благом для человечества. Без всякого сомнения, только одно утверждение: если в ближайшие 5-7 лет «коллективный разум человечества» (политики, бизнесмены, ученые, разработчики ИИ) не сможет ограничить тенденцию всемерного развития искусственного интеллекта, придав ему рамки «узких специализаций» и разумные ограничения с точки зрения гуманной человеческой этики, то тогда человеческий интеллект и человеческий разум переходят в постчеловеческую стадию с весьма вероятным упразднением человечества – либо вообще полностью, либо с переводом человечества в разряд «домашних животных» искусственного интеллекта.

Есть ли надежды на человечески разумное решение проблемы искусственного интеллекта? Пока еще есть, но они с каждым днем стремительно исчезают...

Знаки и символы далеко не исчерпывают сущности человеческой психики. Еще Сартр утверждал, что нет универсального толкования символов. В конечном счете, мы понимаем нашу психику в основном метафорически, и биопсихосоциальный феномен индивидуальности человека исследован еще явно недостаточно, чтобы говорить, будто бы мы исчерпали человеческий разум и нам пора уступить место искусственному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н.С. Лакан (Lacan) Жак // Современная западная философия: Словарь / Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат, 1991. С. 148-149.
2. Автономова Н.С. Лакан (Lacan) Жак // Философский энциклопедический словарь. Сост. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. - М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 298.
3. Бабайцев А.Ю. Смысл и значение // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 629-630.
4. Бергсон А. Творческая эволюция: пер. с фр. – М.: КАНОН-пресс, 1998. – 384 с.
5. Бодрийяр, Ж. Соблазн. Пер. с фр.. — М.: Ad Marginem, 2000. 319 с.
6. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма / Пер. с нем. и предисл. С. Э. Никулина. Санкт-Петербург : Лань, 1999. 222 с.
7. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт. 1998. 336 с.
8. Васильева Т.В. Семь встреч с М. Хайдеггером. – М.: Издатель Савин С.А., 2004. 336 с.
9. Веккер А.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
10. Винобер А.В. Герменевтический микропсихоанализ: общие положения и начало познания // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2022, №2(18). С. 5-12.
11. Винобер А.В. [Философские и социально-психологические аспекты герменевтического микропсихоанализа. Очерк первый. Субъективное миропонимание](#) // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2022. №3(19). С.49-64.
12. Винобер А.В. Философские и социально-психологические аспекты герменевтического микропсихоанализа. Очерк четвертый. Структура. Функции. Генезис // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2024. 10 (75). С. 5-27.
13. Гадамер Г. Актуальность прекрасного. - М.: Искусство. 1991. 368 с.
14. Гайденко П.П. Герменевтика // Философский энциклопедический словарь. Сост. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. - М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 119-120.
15. Гаттари Ф. Язык, сознание и общество (О производстве субъективности) // Логос. Книга 1. Разум. Духовность. Традиции. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1991. С. 152-160.
16. Горных А.А. Лакан (Lacan) Жак // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 352-352.
17. Деридда Ж. Поля философии: пер. с фр. – М.: Академический проект, 2012. – 376 с.
18. Западная философия. Итоги тысячелетия. ред. [Жамияшвили В.М.](#) - Бишкек: Одиссей. 1997. 656 с.

19. Крапивенский С.Э. Социальная философия. - Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000. - 320 с.
20. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. 192 с.
21. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда // Консультативная психология и психотерапия. 1996. 4(1), Статья 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/1996_n1/25414 (дата обращения: 12.06.2026)
22. Лакан Ж. Семинары. Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). Пер. с фр. М.Титовой и А.Черноглазова. – М.: ИТД ГК «Гнозис», Издательство «Логос». 1998. 432 с
23. Левитин К.Е. Личностью не рождаются.- М.: Наука. 1990. 208 с.
24. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат. 1975. 303 с.
25. Малахов В.С. Герменевтика // Современная западная философия: Словарь / Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат, 1991. С. 74-76.
26. Мальчуков В.А. Семиотические понятия в научном познании. – Иркутск: Иркут.ун-т. 1992. 184 с.
27. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. — СПб.: Наука, 2011.668 с.
28. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. – М.: Академический проект. 1999. 208 с.
29. Овчаренко В.И. Коллективное бессознательное // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 321
30. Пятигорский А. М., Мамардашвили М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры». 1997. 217 с.
31. Руткевич А.М. Научный статус психоанализа // Вопросы философии. 2000. 10. С. 9-14.
32. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. – М.: ГУ ВШЭ. 2003. 32 с.
33. Самохвалов В.П. Психический мир будущего. - Симферополь: КИТ, 1998. — 400 с.
34. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин . -Минск: Харвест, 1998. 798 с.
35. Словарь социально-гуманитарных терминов. Под ред. [Айзенштадт А. Л.](#) М.: Тесей. 1999. 320 с.
36. Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология. Учебно - справочное пособие. - М.: ЗАО "Бизнес-школа" Интел-Синтез", 1998. 238 с.
37. Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. – М.: Смысл. 1999. 429 с.

38. [Тулмин Ст. Человеческое понимание.](#) Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984.- 328 с.
39. Узнадзе Д. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. 416 с.
40. Фанти С. Микропсихоанализ. Пер. с итал. – М., 1995. 351 с.
41. Французско-русский словарь активного типа / В.Г. Гак, Ж.Триомф, Г.Г. Соколова и др. – 8-е изд. стереотип. – М.: Рус. яз. 2008. 1055 с.
42. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. – М.: Аст, 2007. – 621 с.
43. Шарден Т. Феномен человека. Пер. с фр. - М.: Наука, 1987. – 240 с.
44. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Сочинения. — М.: Правда, 1989.
45. Юнг К.Г. Приближаясь к бессознательному //Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. Пер. с англ. и франц. — Сост. Л. И. Василенко и В. Е. Ермолаевой; введ, ст. Ю. А. Шрейдера. — М.: Прогресс, 1990.
46. Юнг К.Ш. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
47. Юнг К. Г. Психология бессознательного. Пер. с нем. – М.:Канон. 1994. 317 с.
-

A.V.Vinober
Irkutsk, Russia

THE INSTANCE OF THE LETTER IN THE UNCONSCIOUS AND THE HERMENEUTICS OF THE PSYCHIC (METAPHYSICS OF PSYCHOLOGY). THE FIRST ESSAY

On the border of conscious and unconscious, natural and artificial, human and posthuman, the issues of metaphysics of psychology acquire special relevance and urgency. To be or not to be? It is no longer private, but universal, or universal, or universal. The fate of human civilization on earth depends on how much the elite of the world establishment will be able to realize this. The first essay of this series expresses the author's subjective point of view on certain aspects of psychoanalysis and hermeneutics of the psyche.

Keywords: psychoanalysis, the unconscious, hermeneutics, metaphysics of psychology, Jacques Lacan, artificial intelligence

Поступила в редакцию 10 июля 2026

Охотничье хозяйство и охрана животного мира

УДК: 639.1:349.6: 342.951

И.А. Гребнев^{1,2,3}, Н.С. Ларионова¹ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», Киров, Россия¹ФГБОУ ВО Вятский ГАТУ, Киров, Россия²АНО «Институт природоресурсного и экологического права»,
Киров, Россия³**ТРОФЕЙНАЯ ОХОТА НА РЕДКИЕ (КРАСНОКНИЖНЫЕ) ВИДЫ
ЖИВОТНЫХ: ОБЗОР КОНТРАРГУМЕНТОВ**

Статья посвящена обзору экологических, экономических, социальных и этических проблем трофейной охоты на редкие (краснокнижные) виды животных. Авторами на основе системно-иерархического подхода произведен обзор зарубежных источников научной литературы для выявления релевантных для российской действительности аргументов против такой охоты. Итогом работы является вывод о том, что данный институт не является априори устойчивым. Его внедрение в национальное законодательство потребует значительных предварительных усилий в разных сферах и уровнях организации социальной жизни.

Ключевые слова: охота, устойчивость, государственное регулирование.

В 2018 году депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Владиславом Резником был направлен депутатский запрос в Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации с предложением рассмотреть вопрос о возможности ограниченного коммерческого использования ряда редких видов животных. Несмотря на широкий общественный резонанс, проблематика, связанная с возможностью охоты на некоторые виды краснокнижных животных в России, остается малоизученной. Характерной особенностью является отсутствие в русскоязычном научном дискурсе работ, системно представляющих аргументы против такой охоты, несмотря на наличие ряда значимых публикаций, комплексно анализирующих аргументы в пользу данного использования ресурсов животного мира [2, 3]. Фактическая несформированность позиции одной из сторон не способствует качественному полноценному диалогу и выработке обоснованной и взвешенной концепции сохранения биологического разнообразия и обеспечения устойчивости в обозначенной сфере общественных отношений.

В целях содействия развитию такого диалога в отечественном сегменте природоохранной деятельности нами на основе системно-иерархического подхода произведен обзор зарубежных источников научной литературы для выявления релевантных для российской действительности аргументов против трофейной охоты на редкие виды животных.

Экологические аргументы. На концептуальном уровне постулируется тезис о происходящем шестом массовом вымирании видов, одними из главных причин которого называются прямое преследование человеком и расточительное потребление. В Отчете, представленном Организацией Объединенных Наций за 2019 год, указывается, что темпы вымирания видов ускоряются, и под угрозой находится до миллиона видов [19]. В научной литературе отмечается, что «Эта тенденция убедительно свидетельствует о том, что лежащий в основе нынешних международных норм утилитарный нарратив, воплощением которого являются трофейная охота, «консервированная» охота и разведение тигров, до сих пор не привел к весомым результатам» [12]. Другими словами, делается вывод о несостоятельности применяемой сегодня утилитарной концепции, в основе которой лежит популяционное управление, и допускающей изъятие некоторого числа особей ради благополучия всей популяции. Предлагается направлять усилия для разработки и внедрения альтернативных концепций и подходов. В частности, представляются аргументы в пользу экоцентрической (правозащитной) концепции, в основе которой лежит представление об имманентной ценности каждой особи. Данная концепция допускает возможность изъятия животных лишь в строго определенных случаях, таких как обеспечение общественного здоровья, научные исследования, охота для пропитания.

На стратегическом уровне заявляется о неэффективности применяемых в настоящее время программ и институтов, разбалансированности и ригидности структур управления и контроля. Единственным международным договором, косвенно регламентирующим трофейную охоту на редкие виды

животных, является Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС). Однако Конференция сторон данной Конвенции вынужденно признает, что применяемая ей в настоящее время система квот может рассматриваться как средство обхода положений соглашения и использоваться для отмывания средств, полученных от незаконной торговли дикими животными [8]. Уязвимые положения международных соглашений усугубляются отсутствующими или слабыми регуляторами на национальном уровне. Прежде всего, речь идет об институтах мониторинга и контроля. Так, Розалинда Рив указывает, что все соответствующие резолюции предусматривают выдачу разрешений только на основании выводов об отсутствии ущерба, сделанных утвержденным СИТЕС Научным органом конкретной страны, и что разрешение на экспорт должно выдаваться только в том случае, если экспорт не будет наносить ущерба выживанию видов. Однако такие исследования проводятся редко, а уже сделанные выводы зачастую игнорируются соответствующими государственными органами [14]. Автор отмечает, что «...система в ее нынешнем виде неуправляема, не имеет научной основы и широко открыта для злоупотреблений» [14]. Кроме того, контроль за квотами может осуществляться только ретроспективно с помощью ежегодных государственных отчетов о торговых операциях, которые, как отмечает СИТЕС, представляются не всегда [14]. Таким образом, квоты могут превышать, что будет способствовать снижению численности популяции ниже критического уровня, после чего ее восстановление окажется невозможным.

Важно также отметить, что результаты исследований свидетельствуют о влиянии охоты в некоторых случаях на социальную организацию диких животных [20], а также на генетическую структуру популяции [15]. Нарушение структуры популяции, особенно если изымаются наиболее сильные и здоровые особи, может снизить ее жизнеспособность вследствие ухудшения адаптаций к изменениям окружающей среды, роста уязвимости

перед болезнями и т.п. Помимо этого, трофейная охота может способствовать инбридингу, генетическим дефектам и эффекту «бутылочного горлышка», поскольку подавляется способность животных передавать потомкам видовые и индивидуальные признаки или свойства (преимущественно самцами с наиболее выдающимися морфологическими характеристиками), особенно в малочисленных изолированных популяциях [15]. Это обуславливает необходимость принятия соответствующих мер для нивелирования возможных негативных эффектов охотничьей деятельности. Однако действующее российское фаунистическое законодательство очевидным образом не соответствует требованиям экологической науки и практики и не предоставляет правоприменителям необходимый набор нормативных инструментов для воздействия на общественные отношения. В частности, Федеральные законы «О животном мире» и «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» декларируют сохранение биологического разнообразия исключительно на видовом уровне, оставляя вне рамок своего регулирования популяционное и генетическое разнообразие диких животных.

На уровне менеджмента природных ресурсов (хозяйственном уровне) исследователями предъявляются претензии к использованию ненадежных, ненадлежащих или устаревших методик мониторинга и учета численности целевых видов [18]. Например, Альберт А. Труборст с соавторами, исследовав систему квотирования, опирающуюся на существующие методики учета численности леопарда, пришли к выводу, что квоты СИТЕС и методы их установления не отвечают требованиям предосторожности, устойчивого использования и адаптивного менеджмента, и заявили об их произвольности и отсутствии научной основы [18]. В Российской Федерации методология установления квот добычи охотничьих ресурсов, опирающаяся на широко критикуемые методики учета численности видов, также вызывает обоснованные вопросы специалистов.

Лара Тикл и Эрика фон Эссен, проводя исследование проблем охотничьего туризма, адаптировали клише из сферы туризма к охотничьему контексту и выделили «потенциально возникающие «экологические грехи» в рамках тенденции к «экологическому самобичеванию» со стороны туристов» [17]. Коммерциализация охотничьего туризма способствует формированию тенденции, когда животное превращается в товар, такое явление авторами было названо «эффектом оплаты» [17]. В сфере туризма стал распространённым принцип «получить максимум за свои деньги», «для многих охотников за трофеями важно получить максимальную отдачу от своих усилий, и в крайних случаях они могут «отказаться от охоты и сразу приступить к убийству» [17]. «Коммерциализация охотничьих трофеев негативно сказывается на благополучии животных: некоторых оленей так усиленно откармливают ради размера рогов, что им трудно держать голову прямо» [17]. Такой эффект приводит к смещению фокуса с получения охотничьего опыта на получение трофея; оплата услуг переносит ответственность соблюдения этических норм и необходимости охраны природы с охотника на аутфиттера, а произведенные денежные затраты формируют чувство вседозволенности [17].

Наиболее опасной угрозой для редких видов животных является «туризм последнего шанса» [17]. «Возможность подстрелить одного из самых редких и харизматичных представителей дикой мегафауны до того, как он исчезнет, привлекает охотников, особенно если они верят, что это поможет им в борьбе за сохранение дикой природы, ... желание потреблять ресурсы уязвимых территорий (и видов) перевешивает стремление туристов поддерживать устойчивую экономику или сохранять экологию» [17]. Такая охота не только включает в себя корыстные интересы, но и является движущей силой, которая создает у охотников ложное чувство срочности. Потребительские интересы превалируют не только над самим процессом охоты на такие виды животных, но и над охраной природы, в результате чего создаются предпосылки для ускоренного их вымирания.

Экономические аргументы. Внедрение программ трофейной охоты предполагает придание экономической ценности редким животным, включение этих животных и (или) их дериватов в экономический оборот. Такая политика потенциально опасна коррупционными проявлениями, формированием преступных синдикатов и серого рынка, подрывом ресурсной базы. Филип Дж. Найхус с соавторами отмечают, что «чем ценнее становится животное или его части, тем больше у него шансов перейти в разряд исчезающих» [10].

Согласно теории, предложенной лауреатами Нобелевской премии по экономике за 2024 год Д. Аджемоглу и Д. Робинсоном, непереносимыми условиями устойчивой позитивной экономической динамики являются сформированные инклюзивные экономические и политические институты [1]. Таким образом, на концептуальном и стратегическом уровнях внедрение программ трофейной (природоохранной) охоты потребует создания институциональной среды, которая позволит обеспечить эффективное, справедливое и прозрачное распределение финансовых потоков и выгод от использования природных ресурсов. К факторам общей институциональной среды обычно относят известную степень политической централизации и плюрализма, беспристрастную систему правосудия, защиту экономических прав и недопустимость дискриминации, гарантии доступа к информации и независимости СМИ, свободный рынок труда. На отраслевом уровне потребуются комплексная модернизация модели использования ресурсов животного мира, включая институты их распределения, мониторинга, контроля (государственного и негосударственного), доступа к ним частных лиц, разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти и негосударственными агентами, создания и (или) коррекции отраслевых стандартов и неформальных институтов. Отсутствие качественной институциональной среды является абсолютным противопоказанием для внедрения программ трофейной охоты.

На уровне менеджмента природных ресурсов (хозяйственном уровне) реализация программ трофейной охоты невозможна без их интеграции в локальную систему природопользования и обеспечения их приемлемости для местного населения. Обозначенные условия потребуют, в числе прочего, децентрализации в сфере отраслевого управления и контроля, внедрения механизмов учета и согласования интересов всех заинтересованных сторон.

Социальные аргументы. На концептуальном уровне выдвигается теория революций прав. Это процесс, происходящий в человеческой истории, характеризующийся расширением круга лиц, обладающих правосубъектностью. Наделение правами каждой новой социальной группы вызывало в обществе потрясения и считалось революционным. В древнегреческом полисе правами обладал только домовладелец – взрослый мужчина, гражданин. В настоящее время все люди, независимо от пола, возраста, национальности, вероисповедания и т.д., обладают определенным неотчуждаемым перечнем прав. Сегодня, по мнению ряда правозащитников, на повестке дня новый этап борьбы за права человека – борьба за права животных. Идеологической основой этой борьбы является тезис о том, что все существа, обладающие сознанием, способны испытывать чувства, а значит нуждаются в признании и защите своих прав.

На основе многочисленных исследований международная группа когнитивных нейробиологов, фармакологов, нейрофизиологов, нейроанатомов и других специалистов в 2012 году подготовила «Кембриджскую декларацию о сознании». В этом документе заявляется, что все млекопитающие, птицы и другие существа обладают неврологическими субстратами, которые генерируют сознание подобно человеческим животным [9].

Открытия в зоологии и других смежных науках вызвали в правовой науке дискуссии о «дереификации» животных, т.е. изменении их правового статуса и исключении из юридической категории вещей [11]. Профессор Кембриджского университета Дональд М. Брум проанализировал решение

ВТО по иску о против законодательства ЕС, запрещающего продукты из тюленей из-за негуманных методов умерщвления. «Правила Всемирной торговой организации (ВТО) не указывают, что благополучие животных является допустимым основанием для ограничения торговли, хотя они и указывают общественную мораль как такое основание» [7]. Это первый прецедент, отражающий, что общественная мораль может являться легальным основанием для введения торговых ограничений.

Развитие идей о правах животных своим прямым следствием будет иметь вопрос о допустимости охоты как таковой.

На стратегическом уровне, согласно мысли Дональда М. Брума, «никакая система или процедура не может быть устойчивой, если значительная часть местного или мирового населения считает некоторые её аспекты неприемлемыми сейчас или если они считают, что ожидаемые последствия в будущем морально неприемлемы». [7]. Освещение негативных практик трофейной охоты, вероятно, не только вызовет общественный резонанс в обществе, но и может отразиться на имидже страны. Помимо формальных институтов в каждом обществе (субкультуре) существует система неформальных правил, понимание которых существенно важно для обеспечения устойчивости.

Существенный вклад в понимание этических проблем трофейной охоты внесли Лара Тикл и Эрика фон Эссен работой «7 грехов охотничьего туризма». В частности, исследовательницы отмечают, что «создается «зона риска» для охотников-туристов, которых авторы называют жертвами этического угасания» [17]. Охотничий туризм вызывает «моральное отчуждение охотников», что позволяет им оправдывать свое неэтичное поведение во время охоты [17]. Эффект «туристического пузыря» – это частично изолированная и неаутентичная среда, которая создается вокруг туристов, приезжающих в новое для себя место [17]. В таком пузыре создаются комфортные условия для охотничьего туризма с добавлением местных культурных особенностей, однако «охотник не видит общей

картины» [17]. «Искусственно созданная аутентичность в этом «пузыре» эффективно маскирует реальные последствия действий человека, создавая иллюзию подлинной реальности» [17]. В результате охота превращается в тщательно спланированный пакетный тур, охотник не видит реальных последствий своих действий и их влияния на состояние окружающей среды, а этические вопросы попросту игнорируются.

Формирование «списков желаний» выделяется в качестве еще одного порока, в результате чего охота становится средством самоутверждения и показателем успеха. «Список желаний – это нарратив, который используется туристической индустрией, чтобы представить накопление определенного туристического опыта как необходимую задачу» и показать другим, что вы «хорошо прожили свою жизнь» [17]. Охота становится эгоцентричным актом, направленным на получение определенного статуса и капитала, а животные перестают восприниматься как живые существа и становятся очередной галочкой достижений в списке.

Сформулированный Ларой Тикл и Эрикой фон Эссен «экологический грех «В Риме – по-римски» означает, что «приезжие, даже если у них есть свои этические принципы, должны приспосабливаться к традициям принимающей культуры» [17]. «Здесь охотники пробуют новые методы, которые у них на родине считаются неэтичными или незаконными (например, охота с луком), едят мясо дичи, которое в других обстоятельствах не стали бы пробовать, и подстраивают свое поведение под местный контекст. Однако охотники, не знакомые с местными культурными традициями и не разбирающиеся в местной флоре и фауне, могут причинить животному больше вреда, чем они ожидают» [17]. Это позволяет охотникам перекладывать ответственность за свое неэтичное или аморальное поведение на местные традиции и нормы.

Нельзя не отметить «экологический грех» «Ложная демонстрация», представляющий собой «превращение ситуаций и событий в моментальные снимки и поверхностные изображения, в основном с помощью фотографий и

демонстрации частей тела животных» [17]. «Животное объективируется и превращается в фетишизированный трофей, а главным событием охоты становится убийство и демонстрация животного» [17]. В результате охотники-туристы готовы нарушать установленные правила и нормы ради получения фотографии, того или иного трофея, а сам процесс охоты обесценивается [17].

Еще один «экологических грех» – «спасителя» характеризуется тем, что «охотники часто оправдывают трофейную охоту тем, что она «...продиктована желанием спасти животных от вымирания, браконьерства и других подобных угроз» [17]. «Нарратив «убей их, чтобы спасти» нейтрализует чувство вины перед окружающей средой, которое испытывают охотники-туристы» [17]. В конечном счете данный нарратив не только избавляет охотников от собственного чувства вины, но и морально легитимизируют акты убийства, подменяя свои эгоистичные потребительские желания получить трофей природоохранной деятельностью.

Отметим, что в Российской Федерации отсутствует надежный фундамент социологических охотоведческих исследований. В виду этого, «основным препятствием остается проблема обеспечения соблюдения правил из-за идеологических различий и экономических интересов, что приводит к различным и неэффективным механизмам контроля, штрафам и наказаниям» [4].

На уровне менеджмента природных ресурсов (хозяйственном уровне) отмечается смена потребительских ценностей. Представление о качестве товаров, которые покупают люди, изменилось за последние 10-20 лет [7]. Ранее качество определялось непосредственно наблюдаемыми аспектами, например, для продуктов животного происхождения – их визуальными качествами и вкусом [7]. Важным недавним изменением стало то, что теперь учитываются «этические аспекты метода производства» [7]. Таким образом, потребительские предпочтения стали напрямую зависеть и от моральной

оценки объекта продажи, если продукт не соответствует моральным установкам, он теряет свою ценность в глазах общества.

Стамп Докинз предположил, что одним из наиболее весомых аргументов в пользу благополучия животных является то, что «здоровье животных влияет на здоровье человека» [5]. Поскольку животные более восприимчивы к инфекциям, риски для здоровья человека и связанные с ними аргументы в пользу благополучия животных могут представлять собой «полезные рычаги влияния на торговлю среди потребителей, когда существует спрос на диких животных как на деликатесное мясо, для традиционной медицины» [5]. «Например, три из четырех возникших инфекционных заболеваний являются зоонозами» [16].

Пищевая промышленность претерпевает революционные изменения, которые набирают особую популярность в условиях современного общества. Пищевая революция обусловлена увеличением темпов роста населения и потребления продуктов питания, более того, как отмечал Цюн Юэ Ху, «потребление обычного мяса домашнего скота вносит значительный вклад в выбросы парниковых газов, усугубляя изменение климата. С другой стороны, производственный процесс требует большого количества земельных ресурсов, что приводит к утрате естественной среды обитания диких животных и необратимому ущербу для экосистемы, косвенно приводя к вымиранию некоторых видов, находящихся под угрозой исчезновения, и оказывая чрезмерное давление на окружающую среду» [13]. Использование растительного сырья, грибов, а также белка, получаемого от культивируемых насекомых взамен традиционного животного белка набирает мировую популярность. Это способствует экологической устойчивости, переходу к экономике замкнутого цикла (циркулярной экономике), соблюдению этических норм и защите животных. Примечательное заявление сделал вице-премьер Правительства РФ Денис Мантуров: «Это действительно удивление, когда в мире используется белок из личинки черной львинки, и мы, как я сказал, здесь идем в ногу со временем. Наверное, нужно чуть-чуть

поработать с ментальностью всем нам здесь присутствующим, и черная львинка может «зайти». Но нужно постараться. Хотя, наверное, ко всему человек адаптируется, и к такому тоже»¹.

«Искусственное мясо все чаще признается в качестве важнейшей инновации для решения глобальных проблем продовольственной безопасности и снижения нагрузки на окружающую среду» [21]. Как отмечается исследователями в области искусственного мяса, такая продукция по вкусовым и внешним качествам, содержанию белка не будет иметь существенных отличий и может стать полноценной заменой обычного мяса [13]. Поскольку спрос на эксплуатацию природных ресурсов будет продолжать расти, а экологические ограничения на использование природных ресурсов будут становиться все более очевидными, внедрение экологичных, дешевых, полезных, а также безопасных альтернатив натуральному мясу станет наиболее востребованным. Таким образом, с развитием биотехнологий и альтернативных способов получения белка, включая использование растительного сырья и культивирование мяса, охота со временем рискует утратить свою актуальность как необходимый способ добычи пропитания.

Таким образом, эффективно работающий во многих странах институт трофейной охоты на редкие (краснокнижные) виды животных не является априори устойчивым. Его внедрение в национальное законодательство потребует значительных предварительных усилий в разных сферах и уровнях организации социальной жизни.

Авторы выражают благодарность Клубу горных охотников, а также И.В. Долгову, С.П. Матвейчуку за перевод на русский язык научных публикаций по теме настоящей статьи и предоставление возможности работы с ними.

¹ Мантуров призвал менять ментальность и оценить мясо из личинок мухи // РБК. – 2022, 19 сентября. – URL: <https://www.rbc.ru/business/19/09/2022/632869779a7947552e45e2b4>

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ; 2015. 575 с.
2. Матвейчук С.П. Трофейная охота, красные книги и биоразнообразие: природоохранная политика и экологическая наука // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. – 2019. – № 9(21). – С. 42-54.
3. Пушкин А.В. Международно признанные предпосылки обеспечения природоохранной функции трофейной охоты // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. – 2019. – № 3(15). – С. 25-35.
4. Arnaudova-Otoubirova Anna. CITES and the international law on the protection of wild animals. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cites-and-the-international-law-on-the-protection-of-wild-animals>.
5. Baker Sandra E., Cain Russ, Kesteren Freya van, Zommers Zinta A., D'Cruze Neil, Macdonald David W. Rough Trade: Animal Welfare in the Global Wildlife Trade, BioScience, Volume 63, Issue 12, December 2013, Pages 928–938, Режим доступа: URL: <https://doi.org/10.1525/bio.2013.63.12.6>.
6. Bowman M. Animals, humans and the international legal order: towards an integrated bioethical perspective //Animal Welfare and International Environmental Law. – Edward Elgar Publishing, 2019. – P. 38-147.
7. Broom D. M. International animal welfare perspectives, including whaling and inhumane seal killing as a WTO public morality issue //Animal Law and Welfare-International Perspectives. – Cham : Springer International Publishing, 2016. – P. 45-61.
8. CITES, CoP17 Doc. 39.1, § 8, (2016), Режим доступа: URL: <https://cites.org/sites/default/files/eng/cop/17/WorkingDocs/E-CoP17-39-01.pdf>
9. Low Philip. The Cambridge Declaration on Consciousness at the Francis Crick Memorial Conference on Consciousness in Human and Non-Human Animals, at Churchill College, University of Cambridge (Jaak Panksepp, Diana Reiss, David Edelman, Bruno Van Swinderen, Philip Low, & Christof Koch eds., July 7, 2012). Режим доступа: URL: <http://fcmconference.org/img/CambridgeDeclarationOnConsciousness.pdf>.
10. Nyhus P. J., Tilson R., Hutchins M. Thirteen thousand and counting: how growing captive tiger populations threaten wild tigers //Tigers of the world. – William Andrew Publishing, 2010. – P. 223-238.
11. Pietrzykowski Tomasz. Animal Rights. Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/320629042_Animal_Rights.
12. Prisner-Levyne, Yann. Trophy Hunting, Canned Hunting, Tiger Farming, and the Questionable Relevance of the Conservation Narrative Grounding International Wildlife Law. Journal of International Wildlife Law & Policy. 2020. Vol. 23. No. 4. P. 239-285.
13. Qiongyue Hu. The contribution of artificial meat in reducing carbon emission and mitigating climate change //E3S Web of Conferences. – EDP

Sciences, 2025. – Т. 606. – Р. 03008. Режим доступа: URL: <https://www.researchgate.net/publication/388219675>

14. Reeve R. Policing International Trade in Endangered Species: The CITES Treaty and Compliance. – 2003.

15. Sheikh Pervaze A. Cong. Rsch. Serv., R45615. International trophy hunting. 2019. Режим доступа: URL: https://www.congress.gov/crs-product/R45615#_Toc4080093

16. Stucki S. Animal Rights: A New (Non) Human Rights Revolution? // One Rights: Human and Animal Rights in the Anthropocene. – Cham : Springer International Publishing, 2023. – P. 1-15.

17. Tickle L., von Essen E. The seven sins of hunting tourism //Annals of Tourism Research. – 2020. – Т. 84. – P. 102996.

18. Trouwborst A., Loveridge A. J., Macdonald D. W. Spotty data: managing international leopard (*Panthera pardus*) trophy hunting quotas amidst uncertainty //Journal of Environmental Law. – 2020. – Т. 32. – №. 2. – P. 253-278.

19. United Nations. UN report: Nature's dangerous decline 'unprecedented'; species extinction rates 'accelerating' //Sustainable Development Goals. – 2019. Режим доступа: URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2019/05/nature-decline-unprecedented-report>.

20. Wielgus R. B., Bunnell F. L. Dynamics of a small, hunted brown bear *Ursus arctos* population in southwestern Alberta, Canada // Biological Conservation. – 1994. – Т. 67. – №. 2. – P. 161-166.

21. Yang M. et al. Promoting artificial meat to improve food security and reduce resource-environment pressure: is it practicable in China? //Frontiers in Sustainable Food Systems. – 2024. – Т. 8. – P. 1488747.

I.A. Grebnev^{1,2,3}, N.S. Larionova¹

Vyatka State University, Kirov, Russia¹

FSBEI HE Vyatka SATU, Kirov, Russia²

ANO «The institute of ecological and natural resources law», Russia³

TROPHY HUNTING FOR RARE (RED BOOKS) TYPES OF LIVESTOCK: REVIEW OF COUNTERARGUMENTS

The article is devoted to a review of the environmental, economic, social and ethical problems of trophy hunting for rare (Red Book) species of animals. The authors, based on a systematic hierarchical approach, reviewed foreign sources of scientific literature to identify relevant to the Russian reality of the arguments against such hunting. The result of the work is the conclusion that this institute is not a priori stable. Its implementation in national legislation will require significant preliminary efforts in various spheres and levels of organization of social life.

Keywords: hunting, sustainability, government regulation

Поступила в редакцию 19 июня 2026

УДК 595.733

*Е.В. Винобер
Иркутск, Россия*

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ ПО ОДОНАТОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В РОССИИ (2008-2026). ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Имея исследовательский интерес узнать: кто, где и как в России изучает стрекоз, какие результаты получены, какие темы и вопросы находятся на переднем крае науки одонатологии, автором проведен анализ публикаций (статья, монография, диссертация, автореферат диссертации, учебное пособие) из Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) по ключевым словам «стрекозы», «одонатофауна». Ввиду большого объема материала планируется несколько частей (очерков). В настоящем очерке приводится анализ по: 1) отдельным регионам, 2) исследователям, 3) истории научных исследований и 4) типам публикаций (монографии, определители и популярные статьи).

Ключевые слова: стрекозы, одонатологические исследования, обзор публикаций, любительская (гражданская) наука

Введение.

Имея исследовательский интерес узнать: кто, где и как в России изучает стрекоз, какие результаты получены, какие темы и вопросы находятся на переднем крае науки одонатологии, нами с 10 апреля по 10 июня 2026 года просмотрены (полные тексты или в случае отсутствия полного текста – только аннотация и список литературы) публикации в Научной электронной библиотеке (www.elibrary.ru) по ключевым словам «стрекозы», «одонатофауна». К публикациям в данном случае относятся: статья, монография, диссертация, автореферат диссертации, учебное пособие. По нашим подсчетам, число публикаций с этими ключевыми словами составило 242. Публикации с ключевым словом «odonata» на английском языке для настоящей статьи не были рассмотрены. Мы планируем рассмотреть их в следующих публикациях.

Говоря «просмотрены», это, разумеется, не означает, что я прочитала «от корки до корки» все 242 публикации. Где-то это было беглое прочтение, где-то – более детальное. Для подготовки последующих очерков я буду снова

возвращаться к этим публикациям (просматривать на предмет интересных и важных сведений, прочитывать и осмысливать).

Наш обзор не претендует на полную изученность темы, в том числе, ввиду отсутствия ряда публикаций в базе Научной электронной библиотеки.

Последняя обзорная статья по одонатологическим исследованиям вышла в свет во втором квартале 2007 года под названием «Одонатологические исследования в России». На 14 страницах (включая список литературы из 205 наименований на 4 страницах) кратко описывается история изучения стрекоз в России. Ее авторы А.Ю. Харитонов, С.Н. Борисов, О.Н. Попова указывали, что в ней приводятся «основные результаты фаунистических, зоогеографических и экологических исследований стрекоз. Дан список видов стрекоз России и сопредельных территорий с их распределением по следующим географическим регионам: Европейская равнина, Кавказ, Урал, Средняя Азия, Сибирь (включая Северный Казахстан), Российский Дальний Восток» (Харитонов и др., 2007).

Вышеназванная статья послужила нам отправной точкой, и мы будем рассматривать публикации за период 2008-2026 гг. Ввиду большого объема материала, мы планируем опубликовать несколько частей (очерков).

1. Изученность по регионам.

Как отмечали в 2007 году А.Ю. Харитонов, С.Н. Борисов и О.Н. Попова: «Степень фаунистической изученности огромной территории бывшего СССР до настоящего времени остается крайне неравномерной» (Харитонов и др., 2007).

Вышеуказанные авторы отмечали сравнительно хорошо изученными: Урал, Верхнее Приобье, Алтай, Кавказ, юг Приморского края, Камчатку (Харитонов и др., 2007).

Из изученных нами публикаций (242) можно сказать, что они посвящены разным по площади территориям: от городов: Самара (Толкач, 2001), Ижевск (Фирстова и др., 2016), Липецк (Соболева, 2024) и др., до

крупных природных территорий России: Восточное Васюганье Западной Сибири (Попова и др., 2013), Большой Кавказ (Кетенчиев и др., 2024) и др.

Проведенный нами анализ показывает, что примерно половина из них отражают результаты разовых исследований фауны стрекоз.

Систематическое изучение одонатофауны ведется следующими исследователями по следующим территориям:

С.Н. Борисов – Восточная Сибирь, Средняя Азия;

В.В. Заика – Тува, Хакасия;

Л.В. Сивцева – Республика Саха (Якутия);

Е.И. Маликова – юг Дальнего Востока;

О.Н. Попова – Западная Сибирь, Республика Бурятия;

О.Э. Костерин – Западная и Восточная Сибирь, а также нахождение в разных регионах России новых и редких видов;

М.В. Дронзикова – бассейн реки Томь;

В.В. Онишко – новые и редкие виды в разных регионах России;

А.А. Служко – Астраханская область;

Х.А. Кетенчиев, С.Г. Козьминов, Л.Ш. Амхаева – Чеченская Республика, Центральный Кавказ;

М.И. Шаповалов, Э.А. Коротков – Северо-Западный Кавказ;

Н.В. Борисова, Е.А. Каролинский, А.А. Яковлев – Чувашская Республика;

А.Г. Татаринов, О.И. Кулакова, О.А. Лоскутова – европейская часть Северо-Востока России, Полярный и Приполярный Урал;

В.А. Валуев – Республика Башкортостан;

В.А. Соболева, В.Б. Голуб – Среднерусская лесостепь: Курская, Воронежская, Брянская области

и др.

2. Анализ сообщества авторов-исследователей.

Всех авторов просмотренных публикаций мы условно раздели на три большие группы: 1) профессиональные одонтологи, 2) профессиональные

энтомологи, экологи, биологи и 3) энтузиасты-любители (к последним относит себя и автор настоящей статьи).

2.1. Профессиональные одонтологи.

Ведущими российскими одонатологами (С.Н. Борисов, О.Э.Костерин, О.Н. Попова, В.В. Онишко, Х.А. Кетенчиев и др.) получены значительные результаты по изучению фауны и экологии стрекоз, которые опубликованы в международных изданиях, и признаются мировым научным одонтологическим сообществом.

Провести обзор этих исследований и полученных результатов – серьезная и обширная задача. Этому обзору мы посвятим отдельную публикацию.

2.2. Профессиональные энтомологи, орнитологи, экологи, биологи.

Активный вклад в изучение фауны стрекоз вносят не только профессиональные одонтологи, но и энтомологи, орнитологи, биологи, экологи.

А.Г. Татариновым, О.И. Кулаковой и О.А. Лоскутовой (Сыктывкар) исследована фауна стрекоз на территории европейской части Северо-Востока России, Полярного и Приполярного Урала. По результатам проведенных исследований авторами охарактеризовано население личинок стрекоз пойменных озер в нижнем течении р. Сысола (Татаринов и др., 2019) и пойменных озер р. Средняя Вычегда (Кулакова и др., 2018), восточного макросклона Полярного Урала (Кулакова и др., 2019), структура фауны стрекоз восточноевропейской Гипоарктики (Татаринов и др., 2015), географическое распространение стрекоз на европейском северо-востоке России (Татаринов и др., 2008) и др.

Основной вклад в изучение состава фауны стрекоз Чувашии вносит энтомолог Н.В. Борисова (Чебоксары). В elibrary за период 2016 по 2025 гг. представлено 14 её статей, в том числе, 12 – в соавторстве: с Каролинским Е.А., Яковлевым А.А., Егоровым Л.В., Ивановым А.В., Маликовой Е.И.,

Бучинским П.М., Онишко В.В., Борисовым С.Н., Поповой О.Н, Борисовым А.С., Яковлевым И.К.

Исследования, проведенные с целью изучения видового состава стрекоз Чувашии, позволили Н.В. Борисовой (в соавт.) не только расширить представления о распространении и экологии ряда редких и малоизученных видов на данной территории, но и обнаружить новые: *Leucorrhinia albifrons* (2016 г.), *Aeshna mixta* (2017 г.), *Orthetrum albistylum* (2018 г.), *O. brunneum* (2019 г.), *Brachytron pratense* (2021 г.), *Aeshna isosceles* (2022 г.), *A. soneharai* (2022 г.), *Coenagrion johanssoni* (2024 г.), *Crocothemis erythraea* (2024 г.), *Sympetrum depressiusculum* (2025 г.), *S. meridionale* (2025 г.) (Борисова и др., 2025).

Для территории заповедника «Присурийский» Н.В. Борисовой опубликован аннотированный список, включающий 37 видов стрекоз из 8 семейств (Борисова, 2022).

Исследования одонатофауны Среднерусской лесостепи и некоторых других территорий отражены в публикациях В.А. Соболевой (Воронеж) (в том числе в соавторстве с Голуб В.Б., Аксененко Е.В., Мелькумовым Г.М. и др.): изучены приуроченности личинок стрекоз к биоценозам, разнообразие и численность личинок, фенологические группировки стрекоз, зоогеографический анализ фауны стрекоз.

В elibrary за период с 2009 по 2024 ею опубликовано 23 статьи, в том числе 21 – в соавторстве.

Исследуемые территории: Среднерусская лесостепь (Курская, Орловская, Воронежская, Липецкая, Брянская области), Краснодарский край и Республика Адыгея, памятник природы «Телецкое озеро», заповедник «Карадагский» (Крым).

На основе шестилетних исследований (2006-2011 гг.) структуры и численности личинок стрекоз, населяющих террасные озера среднерусской лесостепи, установлено, что озера данного типа являются важными резерватами сохранения видового разнообразия. Наиболее богат видовой

состав стрекоз в озерах переходного типа. Они заселяются видами, характерными для озерного и болотного комплексов (Соболева и др., 2013).

Исследование стрекоз Астраханской области начато А.А. Служко (Астрахань) в 1995 году и включает в себя изучение видового состава, распространение по биотопам, биологические и экологические аспекты.

В 2004 году им защищена диссертация на соискание ученой степени к.б.н. «Фауна и экология стрекоз западного Ильменно-Бугрового ландшафтного района». В 2007 году выпущено учебно-методическое пособие «Стрекозы Астраханской области». В 2024 году проведена актуализация данных по видам стрекоз, занесенных в Красную книгу Астраханской области.

В публикации 2024 года А.А. Служко отмечает, что в настоящее время, продолжается работа по изучению фауны и экологии стрекоз Астраханской области и отмечает, что «вопрос наличия и распространения по территории видового состава стрекоз неоднозначен и в первую очередь связан с их неплохой летной активностью (способны перемещаться как активно так и пассивно – с воздушными потоками). Основным критерием по видовому составу стрекоз, для определенной территории, является не столько наличие взрослых (imago) особей (по причине указанной выше), сколько пригодных для развития их личиночной (larve) стадии водоемов (по проточности, засоленности), что подтверждается рядом исследований, в частности С.Г. Козьминым. Так, к примеру, Онишко В.В., указывает один новый вид для территории Астраханской области из Красноярского района, пос. Досанг – *Anax ephippiger* (Burmeister, 1893) (при этом, первая и единственная находка, за проведенные им 13-ти летние исследования). В связи с чем, можно поставить под сомнение правильность определения автором имеющейся в его распоряжении особи или факт случайного проникновения данного вида на территорию области» (Служко, 2024).

Зоолог-эволюционист, орнитолог и этолог Е.Н. Панов в соавторстве с Е.Ю. Павловой в статье «Жизнь стрекоз глазами орнитолога» (2009)

проверили правдивость гипотезы об охране генетического отцовства на двух видах стрекоз – голубых стрелках и красотках-девушках: «Самка выбирает не самца, а участок водной глади, где он обосновался в сезон размножения. Выбор участка самцом так же отвечает потребностям выживания личинок, как и тот, что осуществляется самкой. Все это приводит к выводу, что половой контакт партнеров, заканчивающийся откладкой яиц, есть событие случайное, мало зависящее от их «намерений» (Панов и др., 2009).

2.3. Энтузиасты-любители и независимые исследователи

В отдельную группу мы отнесли энтузиастов-любителей (Г.Л. Косенков, Ю.В. Степанова, А.Н. Москвичёв, Е.В. Винобер и др.). Их исследования стали возможными, в том числе, за счет роста популярности и технических возможностей интернет-платформы Inaturalist.

Так, Г.Л. Косенков приводит результаты 212 наблюдений за 2021-2024 годов, проведённых на стационарной площадке – внутреннем дворе Себежского краеведческого музея, расположенной на полуострове, окруженном водами Себежского озера (Косенков, 2024).

Ю.В. Степанова в статье описывается опыт изучения стрекоз в городе Хабаровск, который вылился в проект по популяризации этих знаний. Автор, вдохновленная опытом экологического просвещения японских парков и книгой «Дарвин в городе» Менно Схилтезена, начала систематические наблюдения за насекомыми в городских и пригородных локациях. В ходе исследований были зафиксированы редкие для региона виды: *Stylurus occultus*, *S. annulatus*, *Platycnemis phyllopoda*, *Anax julius* и др. Через изучение стрекоз автор продвигает идеи экологической ответственности и показывает, что город – это не только пространство для людей, но и среда обитания дикой природы, требующая бережного обращения (Степанова, 2026).

А.Н. Москвичёв исследует фауну стрекоз Ульяновской области. Он отмечает, что значительную роль в изучении данной группы насекомых в последние годы оказали сведения из базы наблюдений iNaturalist.org и проекта «Стрекозы России и Крыма» («Odonata of Russia and Crimea»). Всего

исследователь сфотографировал 726 экземпляров стрекоз. Определение 719 экземпляров 36 видов подтверждено экспертами проекта «Стрекозы России и Крыма». Одонатофауна Ульяновской области включает 53 вида стрекоз, отмеченных разными авторами за последние 30 лет. В 2024 г. продолжено изучение данной группы насекомых. В статье описаны наиболее интересные находки редких видов и нового для Ульяновской области *Lestes macrostigma* (Москвичёв, 2025).

Е.В. Винобер изучает состав одонатофауны Иркутской области. Ею приводится список из 45 видов по данным интернет-платформы INaturalist с привлечением литературных источников (Винобер, 2025).

3. История науки.

Число публикаций по данной теме невелико.

В статье А.Ю. Харитонов «К 100 летию Бориса Федоровича Бельшева: ретроспектива и перспектива одонатологии в Сибири» приводится биографическая справка о докторе биологических наук Б.Ф. Бельшеве, внёшем выдающийся вклад в развитие одонатологии. Даётся анализ основных направлений деятельности этого учёного и созданной им школы: «Оценивая сейчас научное наследие Б.Ф. Бельшева необходимо подчеркнуть разносторонность его вклада в одонтологию. Прежде всего, его заслуги связаны с изучением состава фауны стрекоз Сибири и российского Дальнего Востока, которую он буквально открыл для мировой научной общественности. Вторым крупным научным вкладом Б.Ф. Бельшева был анализ географического распространения стрекоз мировой фауны. Им впервые обоснована оригинальная схема районирования суши на основании распространения стрекоз, существенно отличающаяся от многих других зоогеографических построений. Третьей составляющей научного наследия Б.Ф. Бельшева являются его во многом пионерные исследования экологии стрекоз. Много внимания Б.Ф. Бельшевым было уделено проблеме миграций стрекоз» (Харитонов, 2010). В статье также приводится полный список одонатологических публикаций Б.Ф. Бельшева.

В 2014 году вышла публикация С.Н. Борисова, О.Н. Поповой «К 65-летию Анатолия Юрьевича Харитонova (21.09.1949-04.04.2013). Роль в отечественной одонатологии». Авторы приводят основные направления деятельности А.Ю. Харитонova, указывая, что «он внёс весомый вклад в развитие отечественной одонатологии. Основное направление научных исследований – экологическая зоогеография животных и оценка роли амфибионтных насекомых в экосистемах. Его научные работы по изучению различных факторов, определяющих формирование ареалов животных, внесли существенный вклад в зоогеографию и решение проблемы роли конкурентных взаимодействий в становлении сообществ животных и генезисе фаунистических комплексов. Им была предложена оригинальная обобщённая классификация пространственных перемещений стрекоз. Показано, что одним из основных факторов в их распространении служат межвидовые взаимодействия» (Борисов и др., 2014).

В 2024 году вышла публикация О.Н. Поповой (Новосибирск) «Российский одонатолог Б.Ф. Бельшев и его наследие в канун 115-летия со дня рождения». В статье в хронологической последовательности рассмотрены направления научной деятельности, результаты и научное наследие выдающегося российского одонатолага Б.Ф. Бельшева. Статья богата биографическими сведениями и фотографиями. «Бельшев Б.Ф. – автор более 178 научных публикаций по стрекозам. Описал около 40 новых для науки видов и подвидов стрекоз. Собрал уникальную коллекцию стрекоз, насчитывающую 30 тысяч экземпляров» (Попова, 2024).

Истории одонатологических исследований посвящена уже упомянутая выше обзорная статья российских одонатолагов А.Ю. Харитонova, С.Н. Борисова, О.Н. Поповой «Одонатологические исследования в России» (2007г.). На сегодняшний день это единственная известная нам обзорная статья такого плана (Харитонов и др., 2007).

По истории одонатологических исследований по регионам и отдельным природным территориям стоит отметить статью С.Г. Козьмина,ва,

Х.А. Кетенчиева, Р.М. Умарова «История изучения фауны стрекоз (Odonata) Кавказа» (2020 г.), в которой «проведен исторический анализ изучения одонатофауны стрекоз Кавказа, охватывающий период с середины XIX в. по настоящее время. Исторические сводки по таксономическому составу и распространению стрекоз в регионе на ранних этапах исследований содержали лишь аннотированные списки из различных мест Кавказа. Планомерное изучение фауны стрекоз начинается с началом XX в., что привело к становлению комплексных исследований по выявлению таксономического состава, особенностей экологии и биологии, вертикального и горизонтального распределения одонатофауны. Продолжение настоящих исследований по распространению личинок и имаго стрекоз, выявлению особенностей экологии, биологии и фенологии определило комплекс направлений изучения одонатофауны уникального горного региона Кавказа» (Козьминов и др., 2020).

В статье Л.Ш. Амхатовой «Из истории исследования фауны стрекоз Кавказа» изложены вопросы, связанные с исследованием фауны стрекоз, начиная с 1903 года и до настоящего времени. Отмечены роль и вклад в науку исследователей, занимавшихся изучением стрекоз на Кавказе. Приведены виды стрекоз, их распределение по областям Кавказа и по высоте над уровнем моря (Амхатова, 2020).

4. Монографии. Определители.

Как известно, в советский период вышли монография «Стрекозы Сибири» (1973-1974 гг.), содержащая определительные таблицы-ключи и «Определитель стрекоз по крыльям (роды Бореального фаунистического царства и сопредельных земель, виды фауны СССР)» Б.Ф. Бельшева, А.Ю. Харитонов (1977 г.).

В современной России в 2010 году вышел атлас-определитель «Стрекозы Восточной Европы и Кавказа», подготовленный В.Э. Скворцовым (Товарищество науч. изд. КМК. 2010 г. 623 с.) Эта книга – одновременно и серьезная научная монография, и богато иллюстрированное полевое

руководство, пригодное даже для любителей. Она полностью двуязычна и призвана объединить усилия отечественных и иностранных специалистов в изучении европейских стрекоз. Книга содержит первое полноценное обобщение фауны стрекоз всей территории Восточной Европы и Кавказа, подкрепленное большим количеством фаунистических данных, включая карты распространения видов. Ключи для определения взрослых насекомых и личинок с иллюстрациями к каждой ступени включают все местные виды и ряд видов, обитающих на соседних территориях. Издание содержит также общий обзор морфологии стрекоз, полезный для начинающих (Скворцов, 2010).

Большим событием стал выход в 2021 году иллюстрированного атласа-определителя «Стрекозы России» (Фитон XXI. 2021 г. 480 с.), подготовленного ведущими российскими одонатологами В. В. Онишко и О. Э. Костериным (Онишко и др., 2021). Новое издание объединяет информацию по всем стрекозам, обитающим на территории нашей страны. Это наиболее полная современная книга, описывающая 156 видов стрекоз России. Книга содержит детальные описания внешности, биологии, карты распространения и качественные фото для точного определения видов в полевых условиях (Пресс-релиз..., 2021).

Книга уже стала книжной редкостью, и сообщество одонатологов и, особенно, любителей, ждет выхода второго издания.

Российские ведущие одонтологи Е.И. Маликова и С.Н. Борисов в соавторстве с казахстанским энтомологом В.Л. Казенас выпустили справочник «Стрекозы (тип Членистоногие, класс Насекомые)» (Алматы. 2014 г. 178 с.), который является частью серии «Животные Казахстана в фотографиях». Издание содержит детальные фотографии и научное описание видов стрекоз, обитающих в Казахстане, их биологии и экологии. Книга предназначена школьникам — для расширения их кругозора — и всем любителям природы (Казенас и др., 2014).

Из **учебно-методической литературы** стоит отметить вышедшее в 2007 году учебно-справочное пособие А.А. Служко «Стрекозы Астраханской области» (Издательство Астраханский ун-т. 2007 г. 123 с.) (Служко, 2007) и статью Кулёва А.В. (учителя биологии), под названием «Изучаем фауну России. Стрекозы», опубликованную в журнале «Биология в школе» в 2021 году (Кулёв, 2021), в которой учитель найдет необходимую информацию для этих занятий, а также разнообразные вопросы и задания, многие из которых нацелены на развитие мышления у школьников. Приведенные в статье материалы могут использоваться педагогом и на уроках биологии.

Единичные публикации носят характер **научно-популярных**.

Статья С.Н. Борисова «Куда и зачем летят стрекозы?» (2015 г.) посвящена феномену миграции у стрекоз: массовых, сезонных и закономерных широтных. «Несмотря на методологические трудности, интерес к изучению миграции стрекоз в мире неуклонно растет. Но загадок и вопросов пока больше, чем ответов» (Борисов, 2015).

Статья О.Н. Поповой «Стрекозы – мост между водными и наземными экосистемами». «Амфибионтных насекомых можно образно назвать «живым мостом» между экосистемами — водной и наземной. Как выяснилось, стрекозы не просто входят в пищевую цепочку, связывающую водных и сухопутных обитателей, но и проносят по этой цепи необходимый для наземных организмов компонент питания (длинноцепочечные полиненасыщенные жирные кислоты) в количествах, сопоставимых с другими амфибионтными насекомыми» (Попова, 2019).

Заключение.

В статье «Одонатологические исследования в России» (2007 г.) авторы указывали, что «сложившаяся в Институте систематики и экологии животных СО РАН одонатологическая школа обеспечивает развитие всех этих (указанных в статье 2007 г. – Е.В.) направлений. Вместе с тем, существует ряд проблем, решение которых могло бы активизировать

дальнейшие работы и дополнительно привлечь к ним молодых исследователей».

По нашему мнению, в настоящее время наблюдается рост числа исследователей, одонатологической тематикой занимается большое (хотя и еще недостаточное) число специалистов энтомологического или экологического профиля. Плюс к этому опубликованы результаты, полученные энтузиастами-любителями.

Нами остались не рассмотренными публикации по исследованиям профессиональных одонатологов России. Этому мы планируем посвятить следующий очерк.

Также будет представлен обзор публикаций по зоогеографии, палеонтологии и эволюции, морфологии стрекоз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амхаева Л.Ш. Из истории исследования фауны стрекоз Кавказа // Известия Чеченского государственного педагогического университета Серия 2. Естественные и технические науки. 2020. Т. 19. № 1 (22). С. 20-23.
2. Борисов С.Н. К 65-летию Анатолия Юрьевича Харитонов (21.09.1949-04.04.2013). Роль в отечественной одонатологии / С.Н. Борисов, О.Н Попова // Евразийский энтомологический журнал. 2014. 4. Т.13. С. 299-300.
3. Борисов С.Н. Куда и зачем летят стрекозы? // Наука из первых рук. 2015. № 3 (63). С. 100-111.
4. Борисова Н.В. К познанию фауны стрекоз (Odonata) Государственного природного заповедника "Присурский" и его охранной зоны (по результатам полевых сезонов 2021-2022 гг.) / Н.В. Борисова // Научные труды Государственного природного заповедника "Присурский". 2022. Т. 37. С. 81-85.
5. Борисова Н.В. Новые и интересные находки стрекоз (Insecta: Odonata) в Чувашской Республике в 2024 году. Сообщение 3 / Н.В. Борисова, А.А. Яковлев // Естественнонаучные исследования в Чувашии. 2025. № 11. С. 67-78.
6. Винобер Е.В. Обзор динамики фауны стрекоз (Odonata) Иркутской области и сопредельных территорий по данным интернет-платформы INATURALIST // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2025. № 6 (83). С. 70-107.
7. Казенас В.Л., Маликова Е.И., Борисов С.Н. Стрекозы (тип Членистоногие, класс Насекомые). Серия «Животные Казахстана в фотографиях». - Алматы, 2014. - 176 с.

8. Кетенчиев Х.А. Таксономический состав одонатофауны Большого Кавказа / Х.А. Кетенчиев, З.И. Шидова // Биологическое разнообразие Кавказа и Юга России (проблемы влияния глобального изменения климата и антропогенного воздействия на его состояние): материалы XXVI Международной научной конференции. - Назрань, 2024. С. 246-249.
9. Козьминов С.Г. История изучения фауны стрекоз (Odonata) Кавказа / С.Г. Козьминов, Х.А. Кетенчиев, Р.М. Умаров // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 3 (50). С. 54-58.
10. Косенков Г.Л. Новые данные к списку видов стрекоз (Odonata) Национального парка "Себежский" // Научные труды Национального парка "Хвалынский". сборник научных статей XI Международной научно-практической конференции. Саратов - Хвалынский, 2024. С. 22-26.
11. Кулакова О.И. Население личинок стрекоз (Insecta, Odonata) пойменных озер Средней Вычегды, Республика Коми / О.И. Кулакова, А.Г. Татаринцов // В сборнике: Биодиагностика состояния природных и природно-техногенных систем. Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2018. С. 169-172.
12. Кулакова О.И. Население личинок стрекоз (Odonata) водоемов Полярного Урала / О.И. Кулакова, А.Г. Татаринцов // В сборнике: Проблемы водной энтомологии России и сопредельных территорий. Материалы VII всероссийского научного симпозиума (с международным участием) по амфибиотическим и водным насекомым. 2019. С. 79-83.
13. Кулёв А.В. Изучаем фауну России. Стрекозы // Биология в школе. 2021. № 4. С. 65-73.
14. Москвичёв А.Н. Интересные находки стрекоз (Insecta: Odonata) в Ульяновской области в 2024 г. // Естественнонаучные исследования в Чувашии. 2025. № 11. С. 115-119.
15. Онишко В.В., Костерин О.Э. Стрекозы России. Атлас-определитель. – М.: Фитон XXI. 2021. 480 с.
16. Панов Е.Н. Жизнь стрекоз глазами орнитолога / Е.Н. Панов, Е.Ю. Павлова // Природа. 2009. 11(1131). С. 28-37.
17. Попова О.Н. Стрекозы (Odonata) Восточного Васюганья Западной Сибири / О.Н. Попова, А.Ю. Харитонов // Евразийский энтомологический журнал. 2013. Т. 12. № 3. С. 217-223.
18. Попова О.Н. Стрекозы - мост между водными и наземными экосистемами. К 70-летию со дня рождения А.Ю.Харитонova / О.Н. Попова // Природа. 2019. № 8 (1248). С. 30-43.
19. Попова О.Н. Российский одонатолог Б.Ф. Бельшев и его наследие в канун 115-летия со дня рождения // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2024. № 4 (75). С. 82-101.
20. Пресс-релиз. Вышел первый атлас-определитель стрекоз России // Институт цитологии и генетики СО РАН. Режим доступа: <https://www.icgbio.ru/blog/2021/03/19/press-reliz-vyishel-pervyj-atlas-opredelitel-strekoz-rossii/> (Дата обращения 15.06.2026).

21. Скворцов В.Э. Стрекозы Восточной Европы и Кавказа: Атлас-определитель. – М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2010 г. 623 с.
22. Служко А.А. Стрекозы Астраханской области. – Астрахань: Астраханский ун-т, 2007. 123 с.
23. Служко А.А. О распространении стрекоз (Insecta, Odonata) по территории Астраханской области, их характеристика и актуализация данных по видам стрекоз, занесенных в региональную Красную книгу / А.А. Служко // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей XVI Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2024. С. 25-28.
24. Соболева В.А. Доминантная структура и численность личинок стрекоз (Odonata) террасных водоемов Среднерусской лесостепи (на примере Усманского бора в Воронежской области) / Соболева В.А., Голуб В.Б. // Проблемы региональной экологии. 2013. № 5. С. 125-129.
25. Соболева В.А. О современном состоянии фауны стрекоз (Odonata) города Липецка // В сборнике: Актуальные вопросы изучения наземных и водных экосистем среднерусской лесостепи. Сборник статей. Воронеж, 2024. С. 78-83.
26. Степанова Ю.В. Исследование стрекоз г. Хабаровск как элемент экологического просвещения // Заповедный Восток. Материалы II региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2026. С. 60-68.
27. Татаринов А.Г. Видовой состав и географическое распределение стрекоз (Insecta: Odonata) на Европейском Северо-Востоке России / А.Г. Татаринов, О.И. Кулакова // Вестник института биологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2008. № 11 (133). С. 5-8.
28. Татаринов А.Г. Структура фауны и эколого-географические особенности стрекоз (Insecta, Odonata) Восточноевропейской Гипоарктики / А.Г. Татаринов, О.И. Кулакова, О.А. Лоскутова // Евразийский энтомологический журнал. 2015. Т. 14. № 6. С. 505-510.
29. Татаринов А.Г. Локальные фауны стрекоз (Insecta, Odonata) европейского Северо-Востока России: нижнее течение реки Сысолы / А.Г. Татаринов, О.И. Кулакова // Вестник института биологии Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2019. № 1 (208). С. 18-24.
30. Толкач Н.М. Характеристика одонатофауны города Самары / Н.М. Толкач // Бюллетень Самарская Лука. 2001. № 11. С. 271-278.
31. Фирстова Т.С. Эколого-фаунистическая характеристика стрекоз (Odonata) г. Ижевска / Т.С. Фирстова, И.А. Каргапольцева // Трешниковские чтения 2016. Фундаментальные прикладные проблемы поверхностных вод суши: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; Ульяновское областное отделение Русского географического общества. 2016. С. 134-135.

32. Харитонов А.Ю. Одонатологические исследования в России / А.Ю. Харитонов, С.Н. Борисов, О.Н. Попова / Евразийский энтомологический журнал. 2007. Т. 6. № 2. С. 143-156.

33. Харитонов А.Ю. К 100 летию Бориса Федоровича Бельшева: ретроспектива и перспектива одонатологии в Сибири // Евразийский энтомологический журнал. 2010, 2. Т.9. С. 223-230.

E.V.Vinober

Irkutsk, Russia

REVIEW OF PUBLICATIONS ON ODONATOLOGICAL RESEARCH IN RUSSIA (2008-2026). PART ONE

Having a research interest in finding out: who studies dragonflies, where and how in Russia, what results have been obtained, what topics and issues are at the forefront of the science of odonatology, the author analyzes publications (article, monograph, dissertation, thesis abstract, textbook) from the Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru) by the keywords "dragonflies", "odonatofauna". Due to the large volume of material, several parts (essays) are planned. Due to the large volume of material, the author plans to publish several essays. This essay provides an analysis by 1) individual regions, 2) researchers, 3) the history of scientific research, and 4) types of publications (monographs, qualifiers, and popular articles).

Keywords: dragonflies, odonatological research, review of publications, amateur (civil) science

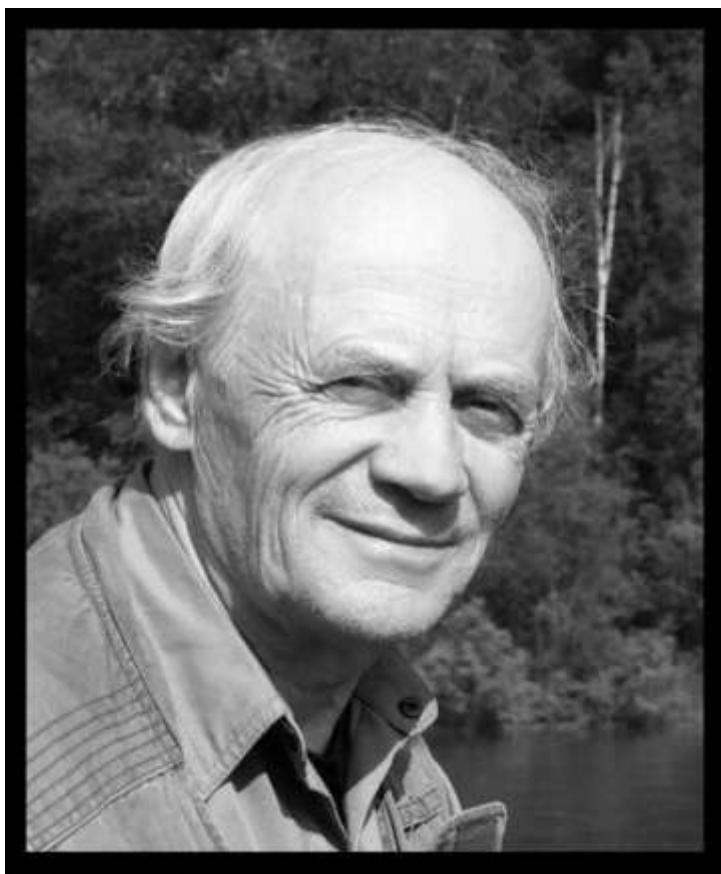
Поступила в редакцию 1 июля 2026

Светлой памяти учителя

Владимир Николаевич Моложников

4 мая 1938 – 9 июля 2026 гг.

9 июля ушел в иной мир выдающийся ученый, эколог-геоботаник и байкаловед Владимир Николаевич Моложников.

Источник: Факультет Охотоведения ИрГАУ. Режим доступа: <https://vk.ru/club1581012>

Он родился в г. Улан-Удэ 4 мая 1938 года, в семье агронома. Окончил Заиграевскую лесную школу и курсы повышения квалификации при Вяземском лесном техникуме. Получил специальность лесовода, работал помощником лесничего и инженером охраны леса в Кабанском районе Бурятии.

В 1961 году поступил на очное отделение зоотехнического факультета Иркутского сельскохозяйственного института на специальность «Биология-охотоведение». В 1963 году был приглашен лаборантом в лабораторию

дендрохронологии Лимнологического института СО РАН. Перевелся на заочное отделение и в 1966 году получил диплом биолога-охотоведа.

В Лимнологическом институте проработал около 25 лет (от лаборанта и научного сотрудника до заведующего лабораторией ботаники и дендрохронологии). Основное время уделял полевым исследованиям растительных комплексов водосборных лесов озера Байкал.

За время работы в Лимнологическом институте в период экспедиционной работы в полевых отрядах у В.Н. Моложникова прошли учебную и производственную практику более сотни студентов из разных вузов СССР и России (от Иркутска до Москвы).

В 1974 году В.Н. Моложников защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Кедровый стланник горных ландшафтов Северного Прибайкалья», а в 1989 – докторскую диссертацию на тему: «Эколого-геоботанический анализ природных комплексов Прибайкалья».

В годы работы в Лимнологическом институте В.Н. Моложников разрабатывал лесоустроительные проекты на Байкало-Амурской магистрали, в Байкальском и Байкало-Ленском заповедниках, в Прибайкальском, Забайкальском и Тункинском национальных парках.

Всегда занимался активной общественной и просветительской деятельностью. Его усилиями был создан Байкальский отдел Географического общества, Клуб Друзей Байкала, Фонд Байкала.

Научные результаты: опубликовано более 270 статей и 10 монографий (в том числе, в соавторстве), подготовлено более 140 крупномасштабных карт растительности и снежного покрова в котловине озера Байкал (не все из них еще опубликованы). Пройдено более 10 000 километров полевых маршрутов с подробным геоботаническим описанием природных комплексов. Одним из главных результатов полевых исследований явилась публикация уникальной монографии «Растительные сообщества Прибайкалья» в 1986 г.

В 1995 году началась педагогическая деятельность В.Н. Моложникова в сфере высшего образования. В Байкальском институте экологии и природопользования он вел курсы «Общей экологии» и «Байкаловедения». В 1996 году приступил к преподавательской деятельности в Иркутском сельскохозяйственном институте (ИрГСХА, ИрГАУ), где значительное время был заведующим кафедрой биологии зверей и охраны природы на факультете охотоведения, в котором он проработал около 20 лет, оказывая активную поддержку аспирантам и докторантам, руководя дипломными работами студентов и продолжая вести научную деятельность в сфере охраны природы и природопользования, геоботаники и байкаловедения.

В силу своего характера и высокой внутренней культуры, скромности в общении, всегда пользовался уважением среди коллег и большим признанием в студенческой среде. Многим студентам-практикантам он привил навыки полевых экологических исследований и научно-познавательный интерес к проблемам байкаловедения, экологии и охраны природы.

Вместе с В.Н. Моложниковым от нас ушла целая эпоха байкаловедческих исследований, активным участником и свидетелем которых он являлся. Это, в частности, отражено в его монографии (в соавторстве с Г.И. Галазием) «История ботанических исследований на Байкале» и в других статьях и монографиях.

В нашей памяти он останется всегда живым собеседником и учителем, образцом преданности науке и деятельного отношения к сохранению естественной природы Прибайкалья и всей России.

А.В. Винобер

Контакты:

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

тел. 8914-912-47-11 сайт:

www.biosphere-sib.ru